

Мертвый рай

Автор:

[Руслан Мельников](#)

Мертвый рай

Руслан Мельников

Мертвый рай #1

Федеральное правительство утрачивает контроль над страной. Однако рычаги воздействия на зарвавшихся муниципалов еще имеются. Мэрам противостоят федеральные послы. Государство агонизирует. И нужен порядок. Любой ценой, любой кровью. В любом отдельно взятом городе. Город выбран. Ставка сделана на лучших бойцов. Лучших – потому что неуязвимых. Неуязвимых, потому что неживых. Экспериментальный проект «Мертвый рай» позволяет заново использовать прижизненные боевые рефлексы и навыки погибших президентских гвардейцев. Дистанционно управляемые мертвецы выходят на улицы...

Книга публикуется в новой, авторской редакции.

Руслан Мельников

Мертвый рай

Фантастический роман. (Обновленная авторская редакция)

Книга первая

Действующие лица и события, описанные в книге – плод авторского воображения. Любые совпадения случайны.

Пролог

Странно...

Лаборатория располагалась в изолированном помещении сверхсекретных катакомб, под многотонным слоем земли и бетона, а Фурцев все равно улавливал эхо. Едва-едва слышное, но вполне ощутимое и такое знакомое. Ну, просто до одури знакомое. Если верить бою невидимых курантов, заканчивались очередные сутки.

Гость ждал. Молча и терпеливо. Он стоял неподвижно. Военная выправка, плотно сжатые губы, пронзительный взгляд, выпяченный, будто вырубленный из крепкой древесины подбородок. Широкие плечи. Здоровенные бицепсы. Хилый от природы Фурцев всегда завидовал его физической форме.

Впрочем, сейчас Фурцеву было наплевать на солдафона, застывшего у двери. Куда больше его занимала таинственная природа звуковых волн. Ну не могли они, никак не могли пройти сквозь толщу земли, защитный купол крепленного спецбетона, непроницаемые стены и обитые мягким пластиком двери, которые поглощают любой шум извне.

И все-таки Фурцев слышал древние куранты. Необъяснимый феномен?

Легко объясняемый.

За долгие годы, прожитые в Центральном Периметре, он слишком привык к этим нудным тягучим звукам. Он пропитался ими насквозь.

Именно бой кремлевских курантов с устрашающей регулярностью отмерял (или отнимал?) драгоценное время доктора Фурцева. И вот результат: теперь внутренние часы его собственного организма – Господин Персональный Хронос – общаются со своим хозяином, имитируя эти самые куранты. Что ж, слуховые

галлюцинации явление по нынешним временам достаточно обыденное.

Стоп! А вот это уже не обман слуха. Человек у двери скрипнул начищенным берцем. Специально, конечно. Даже рядовой гвардеец из президентских Караулов слишком хорошо владеет своим телом, чтобы так вот опростоволоситься. Впрочем, рядового гвардейца за подобную вольность уже отправили бы в карцер, а этот... Ничего, этот подождет. Если реагировать на всех, кто хочет привлечь внимание к своей персоне, где взять время насладится маленькими радостями собственной скоротечной жизни?

А доктор Фурцев сейчас наслаждался. Он был доволен. Еще бы! Прекрасное настроение, прекрасный опытный материал, прекрасная работа! Если бы еще не этот осел в военной форме, внимательно наблюдавший за доктором, и за тем, другим... Который неподвижно лежит на лабораторном столе.

За мертвым.

За убитым.

Тело молодого гвардейца из личной охраны Президента идеально подходило для эксперимента. Именно то, что нужно. Не какая-нибудь тупая неповоротливая гора мышц – за такими телохранителями обычно предпочитали прятаться амбициозные мэры из глубинки – а невысокий жилистый крепыш. И потомственный боец, к тому же.

Информация собрана, справки наведены: четыре поколения предков мертвого гвардейца посвятили жизнь элитным спецподразделениям. У такого боевые рефлексy – в крови. Суперсолдат! Машина смерти! При благоприятном раскладе в одиночку справится со сменой провинциальных громил-телохранителей или с отделением милзводовцев. Имея, разумеется, соответствующее вооружение. Ну, а вооружают гвардейцев всегда по высшему разряду. Да и без оружия, в рукопашной такой тоже справится с любым врагом.

Вообще-то парни из гвардии гибли редко. Можно сказать, не гибли вовсе. Без надобности не гибли. Слишком тщательно таких отбирают, и слишком долго кандидаты в президентскую охрану штудируют науку выживать-воевать-убивать-побеждать. После гвардейского курса обучения захочешь – не умрешь. Так что материал, покоящийся на столе из прозрачного пластика близок к

идеалу. Разве что внешний вид...

Внешний вид портила маленькая дырочка в области сердца. Пулевое отверстие. Небольшой, но неизбежный изъян. След, оставленный опытным снайпером.

Сам киллер – один из лучших стрелков столичного милвзвода, кстати, лежит рядом – на соседнем столе. Хотя этот парень теперь вряд ли на что-нибудь сгодится: при самоликвидации бесшумной автоматической дальнобойки бедняга лишился обеих рук и половины черепа. Плюс развороченная грудная клетка... Зато до взрыва милвзвододец успел, наверное, повосхищаться возможностями спецвинтовки повышенного радиуса действия.

Снова настойчивый скрип у двери.

Увы, придется отложить на время блаженную медитацию. Иначе ублюдок с погонами начнет кашлять в стерильной лаборатории. Ублюдок пришел сюда для серьезного разговора. Ублюдок беспокоится, ублюдок угрожает докладом Президенту. Смеет угрожать! Ублюдок хочет знать, ради чего гибнут его люди. И ублюдок требует демонстрации.

Он ее получит.

Фурцев открыл глаза.

* * *

– Так что мне доложить Президенту?

Подтянутый офицер имел скверную привычку смотреть на окружающих сверху вниз. Это здорово нервировало, а иногда и откровенно бесило доктора. Но сейчас даже барские замашки гостя не могли вывести Фурцева из равновесия. Главное – колесики механизма под названием Эксперимент крутятся. Причем, крутятся давно, долго, быстро. И запущенную машину уже не остановить.

Что увидите, о том и доложите.

До чего же смешон, этот прямолинейный вояка, неловко барахтающийся в беспросветном омуте интриг столичного Периметра. Руководитель единственного военизированного отдела в высшем административном корпусе страны – отдела могущественного и такого беспомощного. Боевой офицер на хлебной, но скользкой должности чиновника. Батяня-командир, которого, согласно служебной инструкции-уставу, надлежало называть на гражданский манер – начальником. Начальник президентской Гвардии. По фамилии...

Его фамилия напоминала о вороненой оружейной стали и о черной птице, раскинувшей крылья над выгоревшим под солнцем черепом. Воронов, мать его... Такие вот забавные ассоциации вызывал у доктора этот начальничек гвардейцев.

Фурцев, все-таки, не удержался – позволил себе легкую ухмылку. Воронов не заметил. Как всегда. Сделал вид, что не заметил.

– Надеюсь, после ЭТОГО отстрел закончится? – сухо произнес человек в форме. – Вы должны понимать, что президентская Гвардия – не резиновая, и она предназначена не только для ваших опытов.

О да, конечно! Спецхранники президента – штучный, качественный, необычайно дорогой и весьма редкий рабочий материал. В противном случае, – если бы количество гвардейцев исчислялось не десятками, а ну, хотя бы тысячами, – возможно, и не потребовалось бы никаких экспериментов. Небольшая, но мобильная, хорошо вооруженная армия таких бравых парней могла бы, пожалуй, восстановить порядок в стране. Высадки десанта, стремительные рейды, захваты нелояльных провинциальных Периметров, перевороты... В нужную сторону...

Только вот нет у страны армии идеальных солдат. Недостаточно подходящих человеческих ресурсов, недостаточно времени для спецподготовки, недостаточно средств в тощем бюджете... Вербовщики еще кое-как наскребают достойных кандидатов для президентской Гвардии. Но с каждым годом – все меньше и меньше. А потому гвардейцы нынче жуткий дефицит. И живые, и мертвые.

Фурцев вздохнул. Обычно ему приходилось довольствоваться солдатами милвзводов. Среди них тоже попадались неплохие экземпляры, но милвзвод –

есть милвзвод. Боевые летчики объединенной федеральной тактико-стратегической авиации, вернее, жалких ее остатков, и те по скорости реакции сильно уступают президентским гвардейцам.

- Офицер, если хотите доложить Президенту о готовности... хм... полуфабриката
- прекращайте отстрел хоть завтра...

Доктор сознательно не обращался к начальнику Гвардии по званию: все-таки между гражданкой и армией пока, слава Богу, существует граница, пусть и формальная. Имени же своего собеседника он просто не помнил. В главном Периметре страны не принято обращение по именам – здесь не вшивая провинция. А что касается фамилии – то и это для Воронова – слишком много чести.

В общем, «офицер» будет в самый раз.

- ...Но если вы намерены дождаться окончательных результатов работы, придется продолжить.

- Пр-р-родолжить?!

Показалось, или в тоне собеседника, действительно, проскользнули рычащие нотки?

- Пр-р-родольжить, – кивнул Фурцев, передразнивая собеседника. – Отстр-р-рел.

- Послушайте, из-за ваших опытов Гвардия редееет быстрее, чем пополняется. Думаю, когда Президент узнает...

- Думаете? Вы и это умеете? В таком случае вы должны понимать, что после подробного отчета о м-м-м... вынужденных потерях, первой с плахи покатится ваша голова. Ведь до сих пор вы молчали. И, насколько я понимаю, потому лишь, что опасались критиковать проект, изначально одобренный самим Президентом. Ценой вашего молчания стала жизнь двенадцати... нет, сегодня – уже тринадцати гвардейцев. Хотя я и не силен в военных науках, но сдается мне – это больше чем отделение. Почти суточная смена личной охраны Главы государства! Вы уже основательно влипли, офицер. И давать задний ход поздно.

Воронов уподобился убитому гвардейцу. Неподвижный, молчаливый. Стоячий труп, да и только! Таким он нравился Фурцеву больше.

– И потом, с чего вы взяли, что президент не в курсе реального положения дел. Вы, конечно, возглавляете службу его охраны, но именно поэтому являетесь слишком опасной персоной. Приемная младшего помощника – максимум, куда вас пускают. А у меня доступ повыше. И у меня есть свои способы для передачи информации наверх...

Палец Фурцева поднялся к слепящим лампам на стерильном потолке лаборатории.

– На самый верх. Той информации, которую я сочту нужной.

* * *

Ни один мускул не дрогнул на лице Воронова. Верный признак того, что офицер вне себя от бешенства. Доктор удовлетворенно улыбнулся: будет молчать. Бог с ними, с официальными секретными донесениями Президенту о ходе эксперимента, которые, наверное, не раз уже мысленно составлял начальник Гвардии. А может, и не мысленно? Может, уже аккуратная папочка имеется? С подшитыми листочками, которые ждут своего часа?

Ладно, папочку переживем. Главное – пресечена утечка нежелательных слухов по Периметру.

Вообще-то кроме этого напыщенного гусака в мундире об отстреле знает еще помощник президента третьего ранга, служба которого занимается материальным обеспечением Эксперимента. Как там его, который третьего ранга? Ни то Анатолий, ни то Николай. Нет, имени Фурцев снова не мог вспомнить. А фамилия? Терновский, кажется. Тоже, между прочим, бывший гвардеец. Один из лучших. Переведен на бумажную работу – в резерв. Отсечен от сослуживцев. Если Воронов совсем зарвется, будет кому заменить начальника Гвардии.

Хотя и помощники президента тоже меняются частенько. И не упомнишь всех. Даже по фамилии. По рангу удобнее: первый, второй, третий... Помощников

много. Рангов – тоже. А что делать?! Жить в Периметре все равно, что жить в террариуме. Недовольных ситуацией – паршивой, надо признать, ситуацией в стране, здесь пруд пруди. И Глава государства должен надежно обезопасить себя от недовольных.

Времена изменились, гнилая демократия издохла, канули в Лету бессмысленные и разорительные выборы. Президентская власть, теперь просто захватывается сильнейшим. Или хитрейшим. Подкупы, убийства, «несчастные случаи», хитросплетения интриг, сложные должностные альянсы, создаваемые с дружелюбной улыбкой и с нею же разрушаемые в одностороннем порядке.

Политика... Современная политика. Именно так на вершину иерархической лестницы вскарабкался действующий Глава государства. «Президент» – звучит красиво, звучит привычно. Но это лишь дань прошлому. Под президентской властью нынче скрывается банальная тирания. Это не хорошо и не плохо. Просто неосторожные тираны долго не живут. И единственная возможность усидеть на вершине шаткой пирамиды – править инкогнито. Никто, кроме помощников президента не вправе входить в личные покои Самого. Никто, кроме них не знает Президента в лицо. И никто в случае переворота не потеряет больше, чем они.

Да, конечно, нелегко руководить через ограниченный круг посредников. Зато президент имеет возможность неузнанным появиться в любой точке Периметра, принять участие в любой беседе, подслушать любой разговор. Он может оказаться милком – рядовым солдатом милвзвода, или офицером, или мелким клерком, или клерком крупным, или поваром, или официантом в служебной столовой. Он может оказаться кем угодно, наш умный и осторожный Президент. А потому он неуязвим.

Фурцев усмехнулся. М-да, наш умный и осторожный...

Терновский, помощник Президента третьего ранга – тоже не глуп. Парень понимает: ставить палки в колеса Эксперименту – последнему спасительному шансу государства – чревато. И, что более важно – осознает, с какой влиятельной силой приходится иметь дело в лице руководителя исследовательской программы. В общем, Терновский тоже будет держать язык за зубами.

Ах, да... Об убийствах гвардейцев знали еще исполнители-снайперы. Но тут все совсем просто. На очередном совместном учении, тестировании или переэкзаменовке кому-нибудь из лучших мильзводовских стрелков Воронов лично отдавал приказ уничтожить своего подчиненного. Несчастливого гвардейца обвиняли в участии в заговоре, а снайперу за непыльную работенку в лучших киллерских традициях обещали перевод на освободившееся место в президентской Гвардии. Кто ж откажется от такой перспективы?

Никто и не отказывался. Вот только винтовка-дальнобойка, выдаваемая для спецзадания, была с секретом: после первого же выстрела срабатывал перепрограммированный механизм самоуничтожения. Оружие взрывалось в руках стрелка.

Самоликвидатор – штука убойная, она не оставляет ни малейшего шанса. Впрочем, шансов не было и у бедняги-гвардейца. Даже президентские супермены не умеют уклоняться от предательских пуль, выпущенных своими. Этому их не учат.

В итоге гибли оба – и убийца, и его жертва. И – никакой утечки. Лишь изредка просачивались слухи о несчастных случаях во время учений, что, собственно, и не новость. Подготовка бойцов нынче жесткая и не всегда удается избежать потери. А каковы потери – это уже другой вопрос.

Но в одном, конечно, Воронов прав: жрал Эксперимент лучшие людские ресурсы немеряно...

Опять – скрип офицерских берцев.

– Давайте ближе к делу, док, – попросил гость.

– С удовольствием.

Фурцев одернул белый халат и склонился над компьютером.

Лишних кресел в лаборатории не было (Убрали. Специально. На время демонстрации.), так что начальнику президентской Гвардии придется постоять.

– Я постараюсь избежать научной терминологии, – начал Фурцев. – Буду говорить... м-м-м попроще. Специально для вас, офицер.

Пальцы уже привычно стучали по клавишам. Центральный лабораторный блок пришел в движение.

Снежно белый Саркофаг заглатывал мертвого человека на прозрачном пластиковом столе. Настолько прозрачном, что казалось, будто неподвижный мертвец парит в воздухе.

Крышка вытянутой капсулы, напичканной электроникой, бесшумно опускалась сверху, дно выдвигалось из пола. Все происходило медленно, как и положено там, где излишняя спешка может навредить точному расчету и тщательно выверенным действиям.

– Для начала небольшой научно-популярный экскурс, с вашего позволения...

Заполнять паузы перед важными демонстрациями доктор научился давно – еще в студенческие годы, когда проводил свои первые публичные опыты в анатомичке.

– Вам, вероятно, известно, офицер, что человеческое сознание – это не яйцо, которое можно взять и переложить из одного лукошка в другое, не разбив при этом. Я неоднократно пытался проделывать такой фокус в лабораторных условиях, однако, каждый раз терпел неудачу. Разум человека вне зависимости от его уровня интеллекта, наотрез отказывается перебираться из своей родной черепной коробки в чужую. Пересадка мыслительного процесса невозможна в принципе. Максимум, чего можно добиться, – это совершенно бесполезные нейро-экскременты, извергаемые шокированным мозгом. Возможных перспектив только две: либо смерть, либо сумасшествие испытуемых.

В конце концов, я перестал жонглировать эфемерными понятиями – а что может быть эфемерней человеческого сознания – и, как подобает ученому, занялся конкретикой. Конкретными телами и конкретными импульсами, которые способна уловить аппаратура. Уловить и записать. Записать и использовать. Только тогда я достиг первых успешных результатов.

Воронов молчал. Воронов наблюдал без всякого выражения, без блеска в глазах. Ну-ну...

– К чему я это говорю, офицер? Просто психологически подготавливаю вас: не нужно близко к сердцу воспринимать мои опыты над вашими солдатами. Гвардейцы были и остаются рабочим материалом. Раз уж вы сами при жизни делали их своими марионетками, ни к чему прикидываться великим гуманистом теперь, когда они мертвы. И еще. Запомните: не все живое, что движется, не все разумно, что кажется таковым. Сразу станет легче.

Губы офицера чуть скривились:

– Вам бы спичмейкером или пи-арщиком работать в кризисных ситуациях: треплетесь много и, вроде бы, даже по теме, а ничего не понятно.

«Ублюдский солдафон!», – мысленно проорал Фурцев. И любезно улыбнулся собеседнику:

– Итак, начнем?

* * *

Капсула уже сомкнулась в единое целое. Сомкнулась плотно между верхней и нижней половиной не видно даже щелочки. Мертвое тело покоилось внутри.

Ждало.

Продолжения.

Долго клацала под пальцами клавиатура. Фурцев набирал сложную комбинацию цифр и символов. Набрал. Из Саркофага донеслось монотонное гудение.

– Идет сканирования материала, – комментировал доктор. – Вкратце напомним суть процесса. После физической смерти человека практически все центры нервной системы длительное время – иногда по несколько суток – сохраняют активность. Раньше не удавалось даже зафиксировать эти слабые импульсы.

Теперь же мы можем не только обнаружить их, но и записать на неопределенно долгий срок.

Специально разработанная программа позволяет заложить в компьютерную память образ виртуального двойника. Не самого покойника, нет, не его угасшего сознания, не отошедшей в мир иной души, не сформировавшейся за годы жизни личности, а двойника умирающей, но пока еще живой нервной системы. Можно сказать, что в электронном виде она будет умирать вечно. И... и никогда не умрет.

Таким образом, в нашем распоряжении оказывается несметное богатство, лишенное законного хозяина – разума. Огромный набор врожденных и приобретенных инстинктов, условных и безусловных рефлексов. И, конечно, рефлексов высшего порядка, открытых вашим покорным слугой: под-, пред-, и постсознательных действий, а также неосознанных поведенческих шаблонов «до-рацио» и условно осознанных алгоритмизированных поведенческих рефлекс-программ. А это, уж поверьте мне, немало. Гораздо больше, чем принято считать.

Сам старина Павлов не подозревал о том, что значат рефлексы в нашей жизни. Как показывают мои опыты, на долю чистого сознания приходится лишь мизерный сегмент человеческой деятельности: творчество и собственно умственный труд. В экстренных же ситуациях роль рефлексов, прежде всего, оборонительных и агрессивно-наступательных, становится основополагающей.

А у кого, по-вашему, они развиты в наибольшей степени? Правильно – у бойцов организованных преступных группировок, у тренированных милвзводовцев и – в особенности – у президентских гвардейцев, успешно прошедших программу спецподготовки. Ваши подчиненные ежедневно буквально захлебываются в адреналине, оттачивая искусство бездумно стрелять, резать и голыми руками рвать чужие глотки. А знаете, офицер, когда рефлекторные реакции организма обостряются до наивысшего предела? В самый экстремальный момент жизни – в момент смерти. Именно тогда бешеной волной нейроимпульсов наружу выплескивается гремучая смесь из концентратов всех неосознанных умений. Король мира тот, кто ее подчинит.

* * *

– Доктор Фурцев. Я уже слышал эту болтовню, причем, неоднократно. Теперь я хочу видеть конкретные результаты вашей работы.

Сканирование завершилось. Воронов с демонстративно скучающим видом смотрел на Саркофаг. Так, словно его собеседник на самом деле находился там, внутри белоснежного гроба.

– Вам, все-таки, придется меня дослушать, офицер. И, пожалуйста, не перебивайте, если хотите разобраться в сложных материях хотя бы на самом примитивном уровне.

«Примитивный уровень» Воронов проглотил, не поморщившись. Учат их там, в гвардии владеть собой, хорошо учат.

– Итак, заполучив первые виртуальные банки данных, в которых сосредоточены инстинкты и рефлексy мертвых солдат, я попробовал обмануть природу. Я внедрял боевые навыки в рефлекторную базу обычных граждан, никогда не державших оружие в руках. Перспектива штамповать таким образом супербойцов из рядовых клерков выглядела весьма заманчиво. Но и этот проект провалился. Несколько сотен двуногих растений – вот его результат.

Хрупкая человеческая нервная система не в состоянии освоить чужой рефлекторный опыт также, как и чужой разум. Как выяснилось, подобная пересадка возможна лишь из одного организма в... тот же самый. И вот теперь я пытаюсь заставить заново функционировать ваших погибших гвардейцев. Если мои опыты окажутся удачными, хаос в стране, наконец, сменится порядком. На страже законности встанет мертвая армия, которая по определению не будет ну, или почти не будет нести потерь.

– «Мертвый рай», если не ошибаюсь? – усмехнулся Воронов.

– Да, именно так я назвал свою исследовательскую программу. И не вижу в этом ничего смешного.

– Конечно. Разлагающиеся зомби на городских улицах... Что в этом может быть смешного?

– Ну, почему же разлагающиеся, офицер? В рамках «Мертвого рая» уже разработаны эффективные бальзамирующие инъекции и наружные препараты сверхдлительного действия. Гораздо сложнее было изыскать возможность для импортирования виртуальных импульсов отсканированной умирающей нервной системы в тело носителя после его окончательной смерти.

– Что значит, «было»? Хотите сказать, что уже решили эту проблему?

– Так точно, офицер, – не без издевки ответил доктор. И снова склонился над клавиатурой. – Взгляните...

Две половинки сканера-саркофага снова разъезжались. Крышка поднималась к разверзшейся нише на потолке, дно опускалась вниз – в пол, в открытый люк. На прозрачном столе в прежней позе лежал покойник. Ничего – внешне совершенно ничего – не изменилось.

– Нелегко, – продолжал Фурцев, – весьма нелегко оказалось расшифровать и оцифровать фиксируемые компьютером нейроимпульсы. Уйма времени ушла на разработку программы обратной связи, которая позволяет активизировать виртуальную копию отсканированных импульсов, усилить их и наложить заново на нервные центры рабочего материала. Ну а дальше – дело техники. Повторное сканирование – уже с компьютера на мертвое тело. Или, если угодно, печать. Кстати, только что вы были свидетелем именно этого процесса. Нервную систему вашего подчиненного я скопировал еще в день его смерти. А сейчас она... скажем так, реанимирована.

– И? – поторопил Воронов.

– Теперь с операторского компьютера по спецчастотам можно воздействовать на любой нервный центр покойника и добиться ответной реакции. Таким образом, вполне реально заставить мертвого человека выполнять те действия, которые он производил при жизни, не задумываясь. Начиная от рефлекторных глотательных движений и заканчивая ходьбой, бегом. Ну и, конечно, боевые приемы и прочие оборонительно-агрессивные реакции. За время обучения в Гвардии все это добро прочно входит в область инстинктов и рефлексов.

– Ерунда. Вам просто хочется так думать.

– Ерунда?! – Фурцев усмехнулся. – Помните, как в день нашего знакомства я неосмотрительно подошел к вам со спины. Из той вон потайной дверки. Просто чтобы застать вас врасплох, смутить и – не буду скрывать – дать понять, кто является хозяином в этом помещении.

Что вы сделали, почувствовав мое присутствие? Оглянулись? Попытались выяснить, кто находится сзади? Да ничего подобного! Вы обучены мгновенно реагировать на любую опасность. И вы среагировали. Чуть не пробили мне голову и сломали руку.

Снимаю шляпу перед вашим профессионализмом: для этого вам потребовалось лишь несколько молниеносных движений. Но если вы скажете, что они были осмысленными, я назову вас лжецом. Или кретином. Вы действовали, не задумываясь, быстрее, чем привыкли мыслить. Иначе вам не пришлось бы потом так долго и неуклюже извиняться.

Воронов сжал зубы. Все сказанное было правдой.

– Вот этого-то опасного джинна, приученного убивать и калечить без раздумий, я выпускаю из бутылки, – продолжал Фурцев. – Можно сказать, почти выпустил. Мне удалось разработать несложную схему управления виртуальной нервной системой мертвого рабочего материала и даже заставить его двигаться. В принципе, достаточно стандартных функциональных клавиш и обычного манипулятора, чтобы навести убитого гвардейца на цель. Потом оператору остается только нажать «Делит» – клавишу активизации боевых навыков, – и...

Доктор щелкнул пальцами.

Звук в тишине лаборатории был похож на выстрел.

* * *

– Вы можете управлять трупом? – уточнил начальник Гвардии. – Это вы пытаетесь мне втолковать?

Недоверие, казалось, излучали даже его начищенные до блеска пуговицы. Офицер подошел к человеку на прозрачном столе. Неподвижное тело ничем не

отличалось от покойников, которых Воронову довелось видеть раньше. А уж на мертвецов он насмотрелся. На всяких.

– Разумеется, – улыбнулся доктор. – Я. Могу. Управлять. Трупом.

И тронул клавиатуру. Рука мертвого гвардейца дернулась и судорожно вцепилась в пластик. Еще одно прикосновение к клавишам – и неживой солдат резко подтянул ноги, упершись голыми пятками в стола.

Идеальная прозрачность пластика делала покойника похожим на голого левитирующего йога. Зависшего, правда, в крайне нелепой, отчасти забавной даже позе.

Воронов поморщился:

– Док, если это то, ради чего было потрачено столько средств, времени и жизней, то грош цена вам и вашему «Мертвому раю». Я сам в детстве проделывал подобные фокусы с мертвыми лягушками. Надо только знать, куда ткнуть иголкой, чтобы дернулась лапка.

– В том то и дело, что вам требовалась игла, а я, как видите, прекрасно обхожусь без физического контакта. Я управляю мертвым телом на расстоянии. Причем, управляю более эффективно, чем вы – лягушкой.

– Управляете? Так вы называете эти бессмысленные подергивания? Не впечатляет, док, не впечатляет.

Лицо Фурцева заметно покраснело. Доктор задышал сквозь зубы – тяжело и со свистом.

– Ну, хорош-ш-шо, офицер, а что вы скажете на это?

Еще прежде чем по-настоящему испугаться, Воронов уловил краем глаза...

Быстрый тычок холеных пальцев в клавиатуру.

Стремительное движение на прозрачном пластике.

И машинально, рефлекторно – именно, машинально и рефлекторно! – он успел, едва-едва успел...

Увернуться от метнувшегося к нему...

ЭТО оказалось тем самым парнем с пулевым ранением в области сердца. Тем самым, который еще секунду назад неподвижно парил в воздухе. В позе спятившего йога.

Мертвый гвардеец оттолкнулся пятками от ребристого края стола и уже в полете перевернулся со спины на живот. Нехитрый прием, позволяющий в случае опасности мгновенно покинуть кровать и нападать из положения лежа. Из состояния полусна.

Таким штучкам начинают обучать еще на подготовительных предгвардейских курсах. И, в общем-то, ничего особенного в неожиданном прыжке не было. Ничего, если бы его совершил живой человек. Но покойник!

Покойник с грохотом обрушился на пол. А вот здесь уже явный промах: приземляться тоже надо уметь, иначе еще до начала схватки отобьешь конечности. Хотя с другой стороны, мертвые ведь не чувствуют боли...

У Воронова голова шла кругом, а его бывший подчиненный, ныне подчиняющийся лишь командам компьютера, и не думал останавливаться. Оживший труп снова шел в атаку. Ну, не совсем шел. То ли парень повредил при падении ногу, то ли Фурцев был еще никудышным повелителем зомби... Гвардеец семенил на четвереньках. Получалось неестественно, неуклюже, но при этом невероятно быстро. И очень, очень страшно.

Молниеносный выпад мертвой руки. И в этот раз Воронов тоже отскочил. Начальник президентской гвардии умел мгновенно выходить из шока. Даже из такого.

Тоже научили...

* * *

«Любопытно все-таки, кто кого», – подумал Фурцев.

Доктор с интересом наблюдал из-за монитора. И в монитор – там тоже была картинка. Живая цель, которую видел сейчас мертвый солдат.

Предугадать результат схватки было затруднительно. Воронов все-таки не зря носил офицерские погоны Гвардии. Несмотря ни на внезапность нападения, ни на специфику атакующего объекта, самообладания он не потерял. И пока держался великолепно. Видимо, бывший гвардеец при жизни сильно уступал своему командиру. Хотя...

Злую шутку с офицером сыграл контейнер для мусора. Стоял сзади, попал под ногу. Пятивший Воронов потерял целое мгновение. И – цап! Фурцев ухмыльнулся. Бледные восковые пальцы обхватили ногу начальника президентской Гвардии чуть выше щиколотки.

Сдавили.

Крепко. Сильно.

Воронов вздрогнул. Нет, никакого холода, приписываемого молвой рукам мертвеца, он в тот момент не почувствовал. Зато смысл выражения «мертвая хватка» ощутил в полной мере: кожа на ноге, казалось, вот-вот лопнет, а кость раскрошится в пыль.

Рука непроизвольно метнулась к закрытой кобуре внутривидеомониторного ношения. Рефлекс-с...

– Нет! – крик Фурцева не был ни испуганным, ни встревоженным. Скорее, предупреждающим. Разумно-предупреждающим. Предупреждающе-угрожающим.

Воронов замер в напряжении, успев лишь расстегнуть кобуру. Все-таки, что ни говори, но лаборатория – вотчина доктора. Он тут чужак. Причем, чужак, совершенно непосвященный в здешние тайны.

– Не стоит этого делать, – мягко посоветовал доктор, – Вы что, ужасиков в детстве не смотрели? Убить мертвого второй раз невозможно. Я задал программу на задержание, а не на уничтожение. Так что не волнуйтесь. Вас не станут рвать на куски. Пока я не отдам соответствующей команды.

Любезная улыбка...

Пальцы Начальника президентской Гвардии сжались в кулак. Потом Воронов отвел кулак в сторону – подальше от кобуры и от соблазна. «Да, гвардейцев наших готовят превосходно, – отметил про себя Фурцев. – Со страхом справляться они умеют. Наверное, это тоже рефлекс».

А офицер стоял неподвижно.

Все. Время бездумных рефлексов кончилось. Воронов обдумал положение, в которое попал. Весьма, кстати, незавидное.

Что он мог предпринять? Отстрелить из табельного пистолета руку зомби, гигантским клещом вцепившегося в лодыжку? Вряд ли удастся. Быстро – вряд ли.

Изрешетить компьютер Фурцева? Или – еще лучше – самого ублюдка-доктора? Можно. Теоретически. Но Воронов сомневался, что это остановит уже запущенную программу. А как тогда отменить задание? Как избавиться от ходячего... ползающего Гвардии мертвеца?

Пока наилучшим выходом было просто ждать и не дергаться. Интересно, этот докторишка в курсе, как гвардейцев обучают брать языков? Если оживший покойник, действительно, помнит боевые навыки, то при малейшей попытке сопротивления, он попросту разорвет сухожилия на ноге бывшего командира. Одним движением пальцев. Хрясь – и готово. А с такой травмой в Гвардии делать нечего.

Что ж, док, ладно, пусть будет по-вашему. Пусть все пока будет по-вашему. Но учтите – подобные выходки не забываются. И не прощаются. Никогда. Никому.

Офицер стоял неподвижно. У его ног неподвижно лежал мертвый солдат. Не выпуская «пленника». И свою потенциальную жертву.

– Не обижайтесь, я всего лишь продемонстрировал результат своей работы, – с невинным видом сообщил Фурцев, – Вы ведь именно этого от меня хотели?

Офицер стоял и молчал. Едва сдерживая клокочущую ярость. И боль в ноге. Неподготовленный, нетренированный человек уже орал бы и корчился от такой боли. Но Начальник Гвардии решил не доставлять такого удовольствия Фурцеву. Ни при каких условиях.

Фурцев улыбался...

– Сейчас я вас освобожу, офицер. Считайте все происшедшее шуткой. Или точнее, маленькой мстью за мою безвинно пострадавшую руку. Надеюсь, теперь мы квиты?

Не дождавшись ответа, доктор ткнул в клавиатуру. Пальцы мертвеца разжались. Воронов нагнулся, помассировал ногу. Не нужно было задирать штанину, чтобы рассмотреть следы жесткой хватки. Они, следы эти, прощупывались через тонкую ткань. С недельку придется похромать. Как минимум, с недельку.

Солдат, чье разорванное снайперской пулей сердце, не билось уже несколько дней, пополз обратно к своему столу. Хотя нет, теперь он направлялся к соседнему – туда, где лежали останки милвзводовского снайпера.

Так, а это еще зачем? Воронов вопросительно взглянул на Фурцева.

– Небольшой штрих в завершение демонстрации, – пожал плечами тот, – Я дал нашему бравому бойцу новое задание.

«Бравый боец» добрался до очередной цели. Рывок...

Безжизненное тело бедняги-милвзводовца слетело на пол. Если верхняя часть трупа уже была изуродована самоликвидатором дальнобойки, то нижняя вполне подходила для эффектного заключительного «штриха».

На ногу мертвого снайпера обрушился твердый, как камень, хорошо набитый за долгие годы тренировок кулак.

Мертвец нанес один-единственный точный, профессиональный удар... Отвратительный хруст – и вышибленная из сустава коленная чашечка милзводовца отлетела к стене. Шмякнулась о гладкую белую поверхность. Оставила кровавую кляксу с потеком.

Воронов чуть приподнял бровь. Однако же! Высший пилотаж! Подобными приемами владели немногие гвардейцы. И уж, конечно, Фурцев, эта лабораторная крыса в белом халате, не мог знать таких секретов рукопашного боя. А значит... Это означало только одно. Что расстрелянный солдат или что там от него осталось, действительно, помнит то, чему его учили при жизни. Дико, но факт. Воронов видел все своими глазами, а уж им-то он еще доверял.

* * *

– Я подумал, наш гвардеец тоже имеет право на маленькую месть, – Фурцев снова улыбался. И снова нажимал клавиши. – Вы так не считаете?

Начальник президентской Гвардии не ответил – Начальник президентской Гвардии тупо пялился на своего бывшего подчиненного. А бывший подчиненный буквально раздирал изувеченные останки милзводовского снайпера. Только он мстил своему убийце без ярости, без боевого пыла и даже без хладнокровного расчета. Невозмутимо, как машина. Рефлекторно...

Воронов силился вспомнить имя гвардейца. Не мог. Что, почему-то, жутко расстраивало.

«Сумасшествие какое-то, – промелькнуло в голове. – Один покойник выясняет отношение с другим, а я, в компании с чокнутым ученым, наблюдаю за возней этих двух кусков мяса и страдаю от чувства вины». Начальник Гвардии пожалел, что вообще пришел сюда сегодня.

– Так вы не согласны со мной, офицер? – напомнил о себе Фурцев. – Право, а? На маленькую месть, а?

Воронов поднял глаза.

– Если уж говорить о возмездии, то, по-хорошему, на месте разбитого колена милзводовца должна быть твоя голова, док.

Потом, вздохнув, добавил:

– Да и моя тоже. Так справедливо.

– Ну, полноте вам! Не забывайте, это всего лишь мертвое тело и восстановленные рефлексy. Сочувствовать рабочему материалу, испытывать симпатию или просто жалеть его – глупо. Но давайте, как вы любите говорить, ближе к делу. У вас есть еще вопросы ко мне?

– Есть, – офицер взял себя в руки.

Ближе к делу – вот именно! Вот то, что ему сейчас нужно! Чем ближе к делу, тем дальше от дурацкого ощущения нереальности происходящего и совершенно неуместного сейчас совестливого самоедства.

– Предполагаемый радиус действия системы управления вашим рабочим материалом?

– Все зависит от рельефа местности и мощности передатчика. Но даже при самых неблагоприятных условиях зона уверенного приема импульсных сигналов полностью накроет городской район средних масштабов.

– Способ поиска цели?

– Визуальную и аудиоинформацию на компьютер оператора передают миникамеры со встроенными микрофонами, которые маскируются под одежду и кожей.

– Маскируются? Под кожей?

– Да, камеры спрятаны. А для лучшей ориентации в пространстве самого рабочего материала активизируются глазные и слуховые нервы.

- Оператор может подключаться к этим нервным центрам и обходиться без камер и микрофонов?

- Думаю, со временем такое будет возможно. Уже заканчиваются работы по созданию экспериментальной партии чип-маяков на гелевой основе, которые способны заменить наружные технические средства наблюдения. Но это очень дорогая технология. И не очень ненадежная. К тому же гелевые чипы пока совместимы лишь с живой тканью. Теоретически, на живые организмы их можно ставить хоть сейчас. На мертвые - еще нельзя.

- Насколько сложно управлять мертвыми солдатами?

- Не сложнее, чем играть в компьютерные игры. Как показывают опыты с учебными моделями, освоить управление на элементарном пользовательском уровне можно за несколько часов.

- Оператор лично управляет всеми действиями рабочего материала?

- Не совсем так. Правильно скоординировать отдельные движения трупа очень сложно, поэтому пришлось разрабатывать специальную схему управления.

- Принцип действия?

- Нажатием одной клавиши оператор запускает целый алгоритм комбинированных команд-заданий. Вперед, назад, вправо, влево. Идти, бежать, ползти, убить. Или, например, захватить пленника, как в случае с вами.

- Дальше?

- Дальше все делает компьютерная программа и прижизненный опыт материала. Виртуальная нервная система активизируют необходимые для достижения поставленной цели рефлексы. А рабочий материал выполнит задание наиболее привычным для него способом. Привычным до смерти, я имею в виду. Одни прыгают на врага прямо с лабораторного стола, другие скатываются ему в ноги; одни выбивают коленные чашечки, другие предпочитают выворачивать из суставов голеностопа. Боевые навыки, лучше всего усвоенные в мире живых, остаются особым индивидуальным стилем и в «Мертвом рае».

– Выходит, бойцу, которого вы натравили на меня, раньше очень нравилось драться лежа на брюхе и ползая на четвереньках?

В точку! Доктор недовольно поморщился. Воронов позволил себе улыбнуться. Немного – краешком рта. Ухмылка была мимолетной, но заметной – он постарался.

– Согласен, над нервными центрами, отвечающими за координацию движений и вестибулярный аппарат материала, следует еще поработать. – Фурцев говорил, нажимая клавиши и пытаясь заставить мертвеца влезть на пластиковый стол. Не очень, впрочем, преуспевая в этом. – Но у меня есть время, пока Президент не выбрал полигоны для полномасштабных испытаний «Мертвого рая».

– Обычно такие полигоны выбираются быстро.

– Ничего, я успею. Когда будет нужно, я поставлю ваших Гвардии покойников на ноги. Скоро вы и сами не отличите своих мертвых солдат от... хм... временно живых.

Доктор не удержался от смешка.

– Еще вопросы?

– Да, один. Когда вы все-таки планируете прекратить отстрел? Если ваши успехи, действительно, столь грандиозны, не пора ли притормозить? Недоукомплектованность Гвардии достигла критического уровня. И, если говорить начистоту, я уже начинаю опасаться, не полетит ли следующая пуля милзводовского снайпера в меня.

Фурцев набрал побольше воздуха. Для демонстративного вздоха сожаления:

– Я все понимаю, но эксперимент не завершен. Наше с вами тайное киллерство окончится сразу, как только в нем отпадет необходимость. Не раньше и не позже. Ну, а теперь мне пора продолжать работу. Честь имею, офицер.

То есть, скатертью дорога... Так неожиданно и бесцеремонно выставлять чужаков со своей территории умел только доктор Фурцев.

Прощаться Воронов не стал. Молча повернулся, шагнул к выходу. Уже в дверях его окликнули:

– А, кстати, насчет пули, которая полетит в вас – дельная мысль! Должен же быть у мертвецов свой командир! Да и живых офицеров не мешает бы менять время от времени. Риск переворота, знаете ли...

Воронов обернулся. Глядя на его каменное лицо, доктор рассмеялся. Птичьим каким-то смехом:

– Успокойтесь. Шутка, шутка, просто шут-ка! Ступайте и спите спокойно. Живой вы пока более ценны.

Когда дверь захлопнулась (До сих пор извлечь шум из мягкого звукоизолирующего пластика не удавалось никому. Воронову – удалось), Фурцев уже не смеялся. Не улыбался даже.

Или, может быть, все-таки, не шутка? Или от мертвого Воронова пользы будет больше, чем от живого? Этот напыщенный индюк в погонах только что продемонстрировал изумительную реакцию. Определенно, таким рефлексам место на лабораторном столе «Мертвого рая».

Пальцы Фурцева все стучали по клавиатуре.

Гвардеец с простреленным сердцем, все тщился влезть на прозрачный стол. И не понять было, то ли нелепые движения покойника злили, то ли забавляли человека в стерильно белом халате.

Фурцев что-то насвистывал. Что-то нейтральное. Из классики что-то.

Часть первая

Ночь

Глава 1

Желание взглянуть на небо здесь, в Ростовске, возникает редко. Чрезвычайно редко. Небо-то – оно в клеточку! От высотки к высотке протянуты черные царапины проводов с бесчисленными переходными стыками. И вдоль, и поперек, и косым крестом протянуты. На первый взгляд – хаотичная паутина, брошенная на город небрежной рукой. Но хаос этот кажущийся. И рука отнюдь не небрежная. Аккуратно и расчетливо опутала она каждый район, каждую улицу, каждый квартал. Кому, как не Денису Замятину, знать об этом?

Нет, порядка в хитросплетении электрических, телефонных и бог весть, каких еще проводов не меньше, чем в строгих милзводовских инструкциях. Ибо вся эта густая сеть создавалась в первую очередь ради направляющих тросов – подвесных дорог и тропинок службы наружного наблюдения.

Их Денис знал отменно и без труда, навскидку, распознавал в подвесных коммуникациях основные линии, вспомогательные, страховочные и запасные. Вот этой, к примеру, он воспользовался прошлой ночью для перехода на другую сторону Трассы. Мостик натянутых над шоссе тросов и проводов похож на двойную решетку. Впрочем, на решетки там, вверху, похоже всё. Одинарные, двойные, тройные... Решетки, решетки и еще раз решетки. Печальное, гнетущее зрелище.

Вряд ли в этих частых перекрестиях именно здесь и именно сейчас прячется мобильная камера. Вряд ли она приткнулась под карнизом той вон или этой крыши. И совсем уж маловероятно, что кто-то из коллег-операторов похерит инструкции и воспользуется «Летающим глазом» днем.

Денис все понимал, но поделаться с собой ничего не мог. Снова и снова он поднимал глаза вверх, снова и снова подставлял лицо свинцовому небосводу, изуродованному рубцами проводов. Только небо могло его сейчас спасти. Небо и подвижные мини-камеры наружки.

Небо равнодушно смотрело вниз.

Направляющие тросы проводов были пусты.

* * *

- Он? Точно? - слышалось за спиной.

Вот гады! В открытую уже идут! Рядом совсем! Денис оглянулся. Быстро, воровато, поверх высокого воротника.

- Што пудов!

Шепелявил невысокий, суетливый человечек неопределенного возраста. Ни рыба, ни мясо, - говорят о таких. Юркие руки, будто бы живущие своей собственной жизнью, дерганное лицо, бегающий взгляд, уйма ненужных нервных движений. И одежонка - так себе: дешевенькая, плохонькая, безвкусная. Потертая и никчемная, как сам хозяин.

Говорил шепелявый, прикрыв рот рукой. Не то пытался приглушить шепот, не то прятал изрядную пробоину в передних зубах и уродливую родинку над верхней губой, больше смахивающую на позорную татуировку.

Гадать, о ком шла речь, не приходится. Дениса обсуждают - кого же еще. Троица из районной группировки Волков выпасала его от самого Пятачка. Группировщики... Орги... Ни поднятый воротник куртки, ни надвинутая на глаза шапка-колокол не уберегли его от цепких взглядов городских волчар.

Угораздило же долбанную видеокарту полететь именно сегодня! Да и сам виноват: потерял сноровку, разучился за месяцы безвылазной домашней работы быть серым и незаметным. Расслабился, блин, успокоился, забыл, что такое Улица. Идиот! Думал, идешь по охраняемой Межрайонной Трассе, так можно и по сторонам не смотреть?

- Мелкий он какой-то... - спокойный уверенный голос сзади.

Еще ближе!

- Да жуб даю, Колян! - снова шепот-присвист.

Смешно, кабы не было так грустно. На самом-то деле жертвовать шепелявому нечем: зубы, по крайней мере, передние отсутствовали у него напрочь.

– Щас в шледили молодняк идет. Молокошоши хилые...ля! Кожлы доходные, шоплей перешибить можно, а бабок гребут – немеряно. Я вот помню...

– Ты что скажешь, Ахмет? – спокойный не счел нужным дослушивать невнятный бубнеж до конца.

Денис оглянулся еще раз.

– Он, – коротко бросил небритый чернявый крепыш-кавказец с поломанными ушами и носом.

И ускорил шаг – из-за неуклюжей медвежьей походки борца-ломщика тот, кого называли Ахметом, немного отставал от спутников.

Этих двоих – беззубого волчьего шестерку и мрачного кавказца – Денис узнал еще на выходе с Пятачка. Месяца четыре назад оторваться от них удалось только чудом. Тогда его вычислили по муниципальной кредитке. Налички не хватало, и Денис имел неосторожность сверкнуть в магазине самообороны кредитной карточкой. Такой, кроме сотрудников Периметра, в наше время, пожалуй, никто и не пользуется. А следяки формально принадлежали к периметровской службе. Хоть и жили за его пределами. Как и положено операторам наружки.

В общем, очень приметную карточку Денис вытащил из кармана в самом криминальном районе города.

Эх, сглупил, протупил по-черному! Поддался идиотскому порыву, решив обзавестись оружием. Если так вообще можно назвать компактный «МУД (шдх)», в просторечье – «мудак». «Маломощная укороченная дубинка (шоковая домашнего хранения)» – символическое, но, пожалуй, единственное более-менее эффективное и, потому, достаточно дорогое средство самообороны. Из легальных, разумеется.

Сосед по сектору Игорь Зверев как-то показывал подобную игрушку. Разгуливать с ней по городу после снятия пломбы, зарядки и активизации нельзя, но использование МУД для защиты жилья от незваных гостей даже поощрялось властями. Как говорилось в инструкции, дубинка способна убить человека. Вот только максимального – смертельного – заряда «мудака» хватало бы лишь на одного гостя. А группировщики по одиночке не ходят. А пока подзарядишь снова...

Честно говоря, Денис предпочел бы иметь в ящике рабочего стола оргскую заточку. Из тех, Волчьих. Последний писк: плоская заточенная с двух сторон арматурина, похожая на короткий обоюдоострый меч. Или не на короткий. А то – и на целую пику. Ручка, обмотанная для удобства изолентой. Или, как у некоторых пиджонов, запаянная в разноцветные кружочки оргстекла.

В драке такая штучка практичнее и гораздо эффективнее «мудака». Но вот если ее найдут при обыске во время поквартирного обхода... Классификация: хранение особо опасного холодного оружия. Приговор: вышка, эшафот. А рисковать жизнью ради куска металла – нет уж, увольте. К тому же Денис в группировку не входит. Значит, владеть заточкой, как следует, все равно не научится. А чтобы долбануть противника шокером особого искусства не требуется.

Короче, магазин, «мудак», кредитка... Засветил ее – засветился сам. Вел его в тот день чуть ли не до самого дома. Ситуация – сквернее некуда. И если бы не развалины Трехсотого Блок-поста...

Денис успел вовремя нырнуть в яму – в люк-провал заброшенного канализационного коллектора. И пока группировщики потерявшими след ищейками метались по трехсотке, отсиживался внизу – тихо, как мышь. Потом где-то прямо над головой раздраженно пролаял кавказец: «Сука-блять!» Потом звук удаляющихся шагов сделал Дениса самым счастливым человеком на свете.

Тогда пронесло, теперь – вряд ли.

* * *

Вообще-то больше всего Дениса тревожил сейчас третий – высокий скуластый, спокойный, как танк, незнакомец. Лет тридцати, наверное. Может, с небольшим. И не понять, почему тревожил-то. Какой-то он был... Странный, что ли. И страшный в своей холодной невозмутимости, неприступности, непробиваемости. Враждебности.

Такого не просчитать заранее. Такому не заглянуть в душу. От таких за версту веет скрытой угрозой. Таких обходят стороной, опустив глаза, и прижавшись к стене. И ведь вроде бы не псих. Вроде ничего в нем особо жуткого нет, но, поди ж ты... Пугает.

Добротная кожаная куртка. Короткий ежик темных стриженных волос. Безбоязненный уверенный взгляд колючих серых глаз. Стального такого цвета. Лицо – худое, угрюмое, жесткое. Жесткое. Давненько эта физиономия не растягивалась в улыбке. В оскале – да, быть может, а вот простой человеческой улыбки лицевые мышцы не помнили.

Фигово... Типчик отличался от рядовых Волчьих бойцов. Ну, а если в охоту включился бригадир оргов, дело принимает совсем уж дурной оборот. Когда тобой лично интересуется местный авторитет, впереди – бо-о-ольшие неприятности.

Не здесь и не сейчас, конечно. Группировщики еще чтят негласное правило: не рисковать без особых причин днем, под носом у милвзводовских нарядов. Они и не станут рисковать. Им всего-то и надо: тупо идти за Денисом, не отставая ни на шаг, не упуская его из виду. Пока жертва сама не выведет охотников к своей норе. А произойдет это скоро. Очень скоро. Минут через сорок. Столько ведь остается до начала Комендантского часа. Все очень просто: Денис боится сумерек, а те, кто идет за ним – нет. Несправедливо? Но кто говорит о справедливости в Ростовске конца двадцать первого века?

Минуты уходили, утекали безвозвратно. Денис нервничал. И все чаще смотрел назад. И по сторонам. И вверх. И не видел спасения.

Домой вернуться нужно прежде, чем завоют предупредительные сирены. Таковы правила: с наступлением темноты даже грозные милвзводовские патрули трусливо прячутся за Периметр, а в городе начинают действовать другие законы, другая жизнь, другое время. Время таких вот суетливых шестерок,

молчаливых борцов с поломанными ушами и самоуверенных бригадиров в черной коже.

Нет, пока они не вызывают подозрений. Никаких. Ни у кого. Трое следуют по узкому тротуару за четвертым. Подумаешь, – случайные попутчики. А свободу дневного передвижения в Ростовске еще никто не отменял: у нас демократическое муниципальное управление. Беда в том, что ночью эти трое навестят Дениса. Хотя нет, не трое. Ночью их будет больше. Подвоят к выслеженной жертвы всей бригадой. И если первый визит окажется неудачным, если сходу вломиться не удастся, обязательно придут следующей ночью. А днем будут дежурить, сменяя друг друга. Потом – снова. Придут. И будут приходить до тех пор, пока...

– Эй, братишка... Притормози. Разговор есть. Серьезный...

Решили пообщаться. Обратился к Денису, разумеется, старшой – тот самый высокий неулыбчивый незнакомец. В меру вежлив, как и все они. Днем. Это когда стемнеет, группировщики заговорят по-другому.

Денис ускорил шаг. Инстинктивная, но совершенно бессмысленная попытка спастись.

Черная кожанка мелькнула справа, возникла впереди, загородив дорогу. Ох, и быстро же передвигаются Волчьи вожаки!

– Чего рыпаешься, следила? Никуда ты от нас теперь не денешься. Стой смирно, понял? Стой и слушай. – В голосе – скрытая угроза. Но очень скрытая и очень сдержанная. А так – никаких эмоций.

Двое других Волков в разговор не вмешивались. Встали сзади, отрезав путь к отступлению. Беззубый шестерка даже по-товарищески положил руку Денису на плечо. Другой рукой взял его под локоть.

Со стороны казалось, будто возле Трассы мирно беседуют четверо приятелей. А вот о чем беседуют... Кто их расслышит со стороны-то.

– Мы знаем, кто ты и за что получаешь бабло, – бригадир оргов смотрел сверху вниз, возвышаясь на полторы головы над Денисовой макушкой, и говорил будто о чем-то несущественном, ничуть его, на самом деле, не волнующем. – Отпираться бесполезно. Нам тоже, думаю, представляться уже не надо. Врубаешься?

Шепелявый дернул за воротник, встряхнул Дениса. Получилось нечто, похожее на кивок. Только со звонким зубовным клацаньем.

– Хорошо, что мы понимаем друг друга, – продолжал бригадир. Ни насмешки, ни радости, ни торжества, ни издевки в словах. Просто констатация факта. Якобы имеющего место быть. – А раз понимает, то сделаем так, следила. Сейчас ты назовешь свой адрес и пойдешь домой. Мои люди тебя проводят. Проверят. На всякий случай. И очень постараются не отстать. Они останутся там. Покараулят. Ночью ты услышишь звонок в дверь и радостно, вприпрыжку побежишь открывать. Для начала в гости приду я. Один. Обсудить кое-что. Потом... в общем, потом видно будет...

Денис не слушал. Денис затравлено озирался по сторонам. Плохо! Очень плохо! Патруль, что дежурит у Пятачка, отсюда уже не видать. На противоположной стороне шоссе – правда, виднеется еще одна укрепостановка, и за ней маячит башенка боевой городской машины милвзвода. Но оба пулеметных ствола БГМ смотрят не на Трассу. Патруль, как и положено, охраняет подступы к остановке со стороны городских кварталов. Участок разбитого тротуара, где орги тормознули Дениса, не попадал в сектор его ответственности.

А может, оно и к лучшему. Заподозри сейчас милки неладное, – сразу открыли бы огонь на поражение. Расстреляли бы к едрене-фене всех четверых, без разбору. Последние постановления Главы администрации предоставляют милвзводцам особые полномочия и не ограничивают число случайных жертв.

А орги надежно блокируют тротуар. Сзади, спереди. А справа – сплошная стена двадцатиэтажек. Вот слева разве что... Бетонное ограждение слева – в половину человеческого роста. Перемахнуть можно. Но там тоже шансов мало. За ограждением – межрайонная Трасса, по оживленному шоссе снуют скоростные многотонные грузовики-контейнеры. До наступления темноты водилы стараются намотать побольше рейсов. А уж эти-то ребята прекрасно знают единственное правило дорожного движения: пешеход должен быть на тротуаре. Или под колесами.

Времена светофоров прошли. Последний трехглазый раскурочен лет двадцать назад. Так что любого бедолагу, оказавшегося на проезжей части, давят без сожаления. И безнаказанно. Ну, как, к примеру, собаку, кота или крысу. Милки при подобных ДТП даже не останавливают движения. Зачем? Дурак-пострадавший виноват сам – влез, куда не следовало. А перекрывать из-за таких идиотов единственную скоростную транспортную артерию – убытков не оберешься. К концу дня колеса размажут человеческие останки по всему району. А наутро, матерясь, будут отскребать асфальт уборщики коммунальных служб или чистильщики транспортного департамента.

Денис поежился. Лезть на Трассу не хотелось. И даже если полезешь, проскочишь если – убежишь ли?

– Эй, тормоз, очнись! – оргский вожак чуть повысил голос. Правда, более живым от этого его голос не стал. Просто – громче. Собеседник по-прежнему сдерживал свои чувства. Зачем-то. – С тобой, кажется, разговаривают. Адрес?

Денис сжал зубы. О, с каким удовольствием он впихнул бы в пасть обладателя черной куртки шоковую дубинку! По рукоять. И пустил бы разряд, да помощнее.

Увы, «мудак» сейчас лежал дома. Выносить на улицу шокер чревато.

– Я живу... живу... – начал Денис, лихорадочно соображая.

Что? Что делась?! Сказать правду – значит, обрубить все пути к отступлению. Обмануть – обречь себя на издевательства, пытки, увечья и смерть, когда отступить уже будет некуда.

Бригадир Волков кивнул шестерке. Шепелявый вновь встряхнул жертву. На тротуар посыпались оборванные пуговицы, жесткий воротник резанул по горлу, расцарапал кожу на шее.

Денис захрипел и закашлялся, выигрывая еще несколько мгновений.

* * *

Рейсовый автобус – стандартная тройная «гармошка»; вдоль бортов – внешние металлические щиты; над щитами – грязные триплексы – вырулил из-за изгиба Трассы. Неуклюжий транспорт подъезжал к укрепостановке и жался к обочине. Если не будет проблем, автобус уткнется в закрытую платформу на пять-шесть секунд. Достаточно, чтобы выплюнуть из салона одних пассажиров и заглотить других. Но маловато для эффективной диверсии. Так, по крайней мере, считают авторы транспортных инструкций.

Пять, даже шесть секунд – это почти ничего. Но все же... Не переставая кашлять, Денис боковым зрением поймал просвет в бесконечной веренице автоконтейнеров. Быстро и точно – как в экзаменационных тестах на реакцию – рассчитал маршрут. Должен успеть.

Так... Руку в карман. Ничего запретного, ничего опасного там, конечно же, нет – это известно и ему, и оргам. Есть лишь мелочь, приготовленная для подобных случаев. Носить в кармане горсть монет – не противозаконно. А швырять – удобно. В лицо! В морду! В рожу!

Бросок.

Металл весело звякнул в воздухе.

– Кожел! Пашкуда!

Беззубый шестерка взвопил от боли. Кажется, пара монеток из звонкой рассыпчатой картечи угодили шепелявому в глаз. Хватка группировщика ослабла. Одна рука поднялась к лицу. Другая еще держала. За воротник.

Денис выскользнул из куртки. Метнулся с тротуара на обочину, перепрыгнул через ограждение, выбежал на шоссе...

Крики за спиной. Высокий бампер метрах в трех от головы.

Денис проскочил. Многотонный грузовик пронесся сзади, не притормозив, не сбавив скорости, едва не зацепив. За ним – сразу – другой. Третий. Непрерывный поток автоконтейнеров отсек Волков.

Снова ограждение – уже на другой стороне Трассы. Прыжок... И – к остановке! К автобусу!

В принципе, охрана остановочного комплекса могла бы, наверное, его и пристрелить. Да на раз-два могла! Не выдержали бы нервы у какого-нибудь молодого милка, и – прощай Дениска! Милвзводовцы нынче крайне настороженно относятся к любым резким движениям. В городе действует негласное правило: как бы ты не опаздывал, к остановочной платформе Трассы подходи спокойно. Целее будешь. Дальше уедешь. Денис же несся со всех ног.

Даже если его сейчас просто задержат, – хлопот не оберешься: под свитером, во внутреннем кармане рубашки – контрабандная видеокарта. Но повезло. Не расстреляли, не задержали. Наверное, помогли поднятые руки – пассажир-торопыжка вовремя показал, что безоружен. А может, милков успокоил его вид и выражение лица. Идущие в атаку оргии все же выглядят иначе.

Узколицый милвзводовец в большой каске, восседающий на броне БГМ, мотнул головой. Дернул коротким стволом «Пса». Глаза милка ничего не выражали. Черное автоматное око и пасть надствольного гранатомета говорили: проходи, позволяю.

Поднимать тревогу или искать защиты у парней с «Псами» Денис не стал. Себе дорожке выйдет – знаем эти приколы! В лучшем случае – жди ареста и бесконечных разборок. В худшем – милки начнут без разговоров гасить всех скопом и из всех стволов – чтоб наверняка. С Дениса вот и начнут. И спасительному автобусу достанется. Ограничения по случайным жертвам с милвзвода сняты. А перед Комендантским часом люди всегда на пределе. Достаточно одного крика «орги!» и...

Нет уж. Лучше помолчать. Его пропустили, позволили забраться в салон – и ладно.

Внутри – давка. Как всегда на последних рейсах. А короткая стоянка кажется вечностью. Денис пропихнул себя к окну у кабины водителя. Через мутные заляпанные грязью триплексы увидел, как к остановке направляются двое.

Беззубый шестерка, видимо, не рискнул лезть под контейнеры, но вожак и кавказец опасное шоссе перебежали. Погнались-таки! Правда, сейчас

группировщики шли к остановке скорым шагом, не срываясь на бег. Понятное дело: два бегущих амбала, да с такими рожами – уже повод для беспокойства. А стволы БГМ и «Псы» милков реагируют на любую опасность однозначно. Это Денису терять было нечего. А вот его преследователям...

Он прилип к окну. Стоит зайти в автобус хотя бы одному – кранты. Тогда от него точно не отлипнут до самого дома.

В затемненной, отгороженной от салона кабине шипели динамики. Слышались невнятные отголоски радиопереговоров. Водитель общался с патрулем на следующей укрепостановке маршрута. Если тамошние милзводовцы заподозрят что-нибудь неладное в своей зоне ответственности, автобус может задержаться. Если прикажут выезжать – немедленно сорвется с места.

А орги уже входили в остановочный комплекс. Милки пропустили! Вот лопухи! Денис глотнул побольше воздуха и...

– Двери закрываются! – пробился сквозь хрип динамиков голос водителя.

... выдохнул.

Лязгнул металл. Двери. Денис вздрогнул. Вместе с соседями по салону. Потом вместе с ними же улыбнулся. Правда, его улыбка была все же пошире, чем у остальных.

Транспорт тронулся с места. Транспорт дали добро. Охрана Трассы гарантировала еще несколько минут спокойной жизни.

– С-с-сука-блать! – донеслось с улицы. За окном промелькнули смазанные лица группировщиков. Сегодня Волки остались без добычи.

Автобус направлялся не туда, куда нужно было Денису. Он ехал в противоположную сторону. Но это-то не важно. Это даже на руку. Это запутает оргов. Пусть теряются в догадках, где живет выскользнувшая из-под носа жертва. А вернуться домой он еще успеет.

Денис хохотнул, не удержавшись. На него почти не косились: нервишки в последнее время пошаливали у многих.

Глава 2

Где-то за Северным Участком пару раз коротко тьякнул автомат. Недремлющим сторожевым псом тьякнул. Скорострельным «Псом».

Тьякнул. И умолк.

Это ничего. Это не шум настоящего боя. Такое бывает. В последнее время, правда, все чаще: внешние блок-посты отпугивают группировщиков, пробирающихся к центральным кварталам. Успешно пока отпугивают. Так что автоматный лай, отголоски которого затихнут, не докатившись до городских окраин – не повод для тревоги.

Виктор Викторович Черенков успокаивал себя, глядя на уличные огни через бронированное окно мэрии.

Не повод.

Для тревоги.

Подумаешь – взбreh короткомордой, короткоствольной железной псины в руках часового, чьи нервы каждую ночь натянута до предела. Перетянуты.

Не повод... Это – не повод.

Глава Ростовска – мэр и по совместительству комендант города Виктор Черенков посмотрел на часы. Точнейший атомный хронометр – гордость местного часового завода – показывал без семи минут восемь вечера. Девятнадцать часов, сорок три минуты, пятьдесят две секунды, если быть точнее. Уже пятьдесят три секунды... Около часа назад автобусы последнего рейса под прикрытием бронетехники развезли по домам припозднившихся пассажиров и забрали с постов третью – усиленную смену милвзводовцев. С наступлением темноты

улицы опустели. Печально провыли сирены Периметра. Начался Комендантский час. И тревожное ожидание.

В эти дни – на скользкой слякотной границе между осенью и зимой – время, кажется, бежит быстрее. И темнеет так быстро! Виктор Викторович все смотрел и смотрел в окно. За окном – безлюдно, как того требовали муниципальные законы и реальная опасность оставить мозги прохлаждаться до утра на мокром асфальте.

Черенков щелкнул пультом дистанционного выключателя. Погас единственный источник света в комнате – компьютерный терминал. Звук мэра отключил уже давно – чтобы ничего не мешало слушать внешние оконные динамики, а теперь с монитора исчезла и немая заставка местного теле-сетевого канала. «Сити: новости из Периметра и Округи». Пусть сейчас это смотрят другие. Черенков познакомился с содержанием вечернего информационного блока еще в полдень.

Чернильный мрак залил экран. Кабинет, квартира и пост управления Главы – все под единой крышей, в одних и тех же стенах – погрузились в уютную темноту. Так Виктору Викторовичу нравилось больше. Он любил, растворившись невидимкой в черных окнах, любоваться огнями Ростовска.

Огни сейчас горят только в Периметре, в центральных кварталах, где светомаскировки пока, слава Богу, не требуется. Но если не думать о покрытых мраком окраинах; если не смотреть вниз – на пустынные улицы; если поднапрячь фантазию и представить там, внизу оживленный поток автомобильных фар и прогуливающих по тротуарам праздных прохожих; если остановить взгляд где-нибудь на уровне четвертого-пятого этажей или хотя бы не опускать глаза ниже фонарных столбов с яркими макушками... Тогда можно вообразить ночную жизнь, бурлящую беззаботным весельем. Неужели такое когда-то было?

Или дело вовсе не в любви к завораживающим огням? Может быть, он просто боится освещенной комнаты? Боится так же, как рядовой житель города. Боится, несмотря на бронированное стекло и целую ораву качков-телохранителей, несмотря на надежный Периметр и дозорные блок-посты.

Впрочем, на блок-посты лучше не уповать. Это раньше сложная сеть бетонных крепостей охватывала весь Ростовск до самых рабочих окраин, спальных районов и промзоны. А кое-где укрепления разнообразили пейзаж приграничных

сельхозугодий мегаполиса. И примыкали к внешней городской стене. И выступали за стену. За границу Ростовска. Не верится? Еще бы! А ведь было. Было!

Милвзводы – полуполицейские-полуармейские подразделения, засев в бетонных лабиринтах даже ночью контролировали большую часть города. И организованные преступные группировки-кланы Ростовска вынуждены были с этим считаться.

* * *

Организованные группировки... Орги, орги, орги... Ну, и словечко прижилось в великом и могучем! Раньше детей стращали неведомыми орками из модных заграничных сказок. Теперь вот в моде другое пугало. И для детишек, и для взрослых. К сожалению, отнюдь не сказочное.

Орги – криминал, террор и беспредел в одном лице – слишком хорошо чувствовали беспомощность действующей власти. Нет, уже не беспомощность – почти отсутствие таковой. Может быть, потому и не стремились городские бандиты, как прежде, слиться с властью во что бы то ни стало. Зачем, если есть неплохие шансы просто захватить мегаполис. И захватывали ведь! Постепенно, но неумолимо. Днем группировщики играли роль вкалывающего за гроши быдла. Ночью же упорно прессовали Блок-посты, стараясь максимально сжать кольцо вокруг Периметра. Петлю затягивали...

Черенков вздохнул. Каждую ночь чувствовать себя осажденным в собственном городе – ощущение не из приятных. Особенно, если учесть, что за последние десятилетия опасные городские окраины разрослись до невероятных размеров. Не вширь, разумеется, не за пределы внешней городской стены – внутрь, к стенам Периметра. А обитатели окраин, как в любое смутное время, плодятся с невообразимой быстротой.

Кто – его дед, отец, или он сам – упустил тот момент, когда еще можно было силами милвзводов стереть неблагонадежные районы вместе с разбухающей заразой? Теперь-то уже поздно. Теперь все банды-кланы не отстреляешь, только израсходуешь понапрасну и без того скудный боезапас, да положишь в трущобах последних верных солдат. Нет, теперь имеем то, что имеем. К чему пришли. Шли к чему...

Обкуренная, обколотая, трухлявая изнутри и крепкая снаружи молодежь из рабочих кварталов вела под руководством паханов, авторитетов, бригадиров и прочих головорезов еженощную партизанскую войну. Настырно, порой, вопреки элементарному инстинкту самосохранения, лезла под пули. И хозяйничала в захваченных кварталах.

Внешние уличные динамики были включены на полную мощность, и Виктор Черенков невольно вздрогнул, когда в кабинет вдруг ворвался грохот тяжелых подошв об асфальт. Под окном промаршировал элитный милицейский взвод – прекрасно вооруженный, укомплектованный опытными ветеранами. С семи вечера и до семи утра только милвзводовцы имеют право появляться на улицах. Право открывать огонь на поражение по любому нарушителю Комендантского часа они имеют тоже. Но сейчас милвзводовцев можно увидеть лишь в границах Периметра, где с роду не водилось никаких нарушителей. Потому и грохочут милки берцами по освещенной улице смело, браво, не таясь. Вот только слишком уж быстрым шагом идут. Куда-то спешат. Дурной знак...

В конце улицы милвзводовцы вообще перешли на бег. Задергались на ремнях короткоствольные «Псы». Безусловно, хорошее оружие, но все-таки...

Великое счастье, что у группировщиков нет стоящего вооружения. Боеприпасы для старья вроде Калашниковых, Макаровых и охотничьей дряни они расстреляли еще в первые годы беспорядков. Новые же стволы, минуя Центр, сейчас получить невозможно. Никак. Только с федеральным Караваном, только по запросу мэра-коменданта. А президент крайне редко удовлетворял даже эти запросы.

Месторасположение единственного действующего еще в стране закрытого оружейного заводского комплекса держится в строжайшей тайне. Зато ни для кого не секрет, что охраняется он не хуже столичного Периметра, и по малейшему подозрению в связях с внешним миром у оружейников расстреливают целые цеха. В общем, оргам в этом плане ничего не светило.

* * *

Виктор Черенков привычным жестом проверил автоматические пистолеты-пулеметы скрытого ношения. Оба – справа и слева. «Дожди»... Названы

спецстволы так не случайно. Хотя емкость облегченного магазина раза в три меньше, чем у «Пса», но огневой мощи все же хватит, чтобы остановить разъяренную толпу. На время. Короткое, правда. Очень. Или чтобы...

«Оружие удобное и безотказное. Лучшего, чтобы застрелиться быстро и наверняка, не надо», – вспомнились слова бывшего заведующего оружейной комнатой мэрии-комендатуры. Человека толкового, побывавшего во многих переделках, выжившего в периметровских интригах, но обладающего весьма специфическим чувством юмора. Жаль, федеральный посол настоял на отставке бедняги. Даже соответствующую писульку из столицы на этот счет умудрился получить. А против такого не попрешь. Президентская подпись – есть президентская подпись.

Что ж, того следовало ожидать. Зав-оружейник слишком рьяно нарывался на конфликты с федералами, когда Караван привозил боеприпасов меньше, чем ожидалось. А такие сбои случались все чаще. Объяснения тому могло быть два. Либо хилое оружейное производство минобороны задыхалось от многочисленных заказов из терзаемых криминалом городов. Либо урезанной пайкой провинциалам лишний раз давали понять, кто пока является истинным хозяином страны.

В бесконечной борьбе с городскими бандитами подпитка оружием и боеприпасами становится сродни наркотику. Без очередной дозы начнется та-а-акая ломка...

Будь в Ростове собственный оружейный заводик, можно было бы диктовать столице свои условия. Хотя нет, нельзя – по слухам, федералы имеют скверную привычку бомбить чересчур самостоятельные города. А против объединенной тактико-стратегической авиации единственный вертолет муниципальных ВВС – ничто.

Черенков тихонько выругался. Между прочим, сегодняшней Караван, не привез ни одного патрона. Командир колонны, правда, обещал в самое ближайшее время доставить боеприпасов сверх тройного лимита. Только грош цена таким обещаниям. Одно утешение: городская элита никогда не страдала от перебоев с поставками. Магазины личного оружия высших чиновников всегда набиты под завязку. И курки не ржавеют от недостатка упражнений в тире.

Пальцы мэра нащупали изящную и удобную – специально под его, Черенкова, хват отлитую – пистолетную рукоять-рожок. Скользнули с ребристого пластика на предохранитель. Маленькая круглая кнопка – неотъемлемый атрибут «Дождя». Кто знает правильную комбинацию – сколько раз нажать, – сможет отключить самоликвидатор оружия. Это – на тот случай, если вдруг придется доверить пистолет какому-нибудь преданному и верному телохранителю. Чтобы было кому прикрывать бегство, пардон, отступление босса. До последнего патрона прикрывать. Из всех имеющихся в наличии стволов.

Да только мэр Черенков не верил в Преданность и Верность. Ростовск, а, тем более, городской Периметр – не место для этих наивных гражданок. Нет, мягкий чувствительный пластик спускового крючка Виктор Черенков уважал все же больше, чем кнопку предохранителя. Если, не дай Бог, придется отстреливаться – то самому. Или самому же застреливаться. А предохранитель – фуфло все это...

То ли дело милвзводовские табельные «Псы»! На каждом – простенький идентификационный дактилоскопический элемент – ИДЭ... «идеал» без всякой там предохранительной системы. Эти примитивные «жучки» тоже безошибочно распознают руку законного владельца. Причем, активная дактилоскопия срабатывает лишь на прикосновение живых пальцев. Защиту ИДЭ невозможно обмануть, например, отрубленной рукой хозяина, как это уже неоднократно пытались сделать группировщики.

Ну, а если «идеал» не опознает своего владельца... Тогда – взрыв самоликвидатора. Заряд сработает также при попытке взломать ИДЭ, и при двадцатичетырехчасовом отсутствии контакта с пальцами хозяина «Пса». И это – необратимо. Стандартный милковский самоликвидатор деактивировать невозможно.

А вот крупным шишкам из мэрии-комендатуры уставом предписано всегда иметь при себе «Гейзер». Брелочек такой. Граната самоуничтожения. Миниатюрную, но достаточно мощную. В критической ситуации выдергиваешь чеку – и уносишь все свои секреты в могилу. Усиленного гексогенного заряда хватит, чтобы вместе с секретами прихватить и виновников критической ситуации. И даже если не трогать чеку... Есть в «Гейзере» одна хитрая штучка – не хуже «идеала». Датчик дистанционного контроля жизнедеятельности. При остановке сердца у высокопоставленного чиновника ДДКЖ автоматически взрывает гранату. И сам чиновник, и все, кто находится поблизости – в клочья.

Сам мэр, правда, предпочитал обходиться без гексогена в кармане. Не по себе как-то постоянно ощущать ненавязчивую тяжесть «Гейзера». Уж лучше... Виктор Черенков еще раз проверил пистолеты. Похоже, жест этот становится нехорошей привычкой: без нужды хвататься за оружие скрытого ношения не принято. Этикет и элементарные меры предосторожности...

Ладно, плевать. Мысли уже текли в другом направлении. От скорострельных «Дождей» – к пространству за пределами Периметра, где без хорошего ствола никак нельзя. В общем-то, вполне логичная ассоциация.

Когда начались неприятности – те, настоящие неприятности – оружия еще хватало, хоть и приходилось считать каждый ящик с патронами. И внешние, запериметровские, гарнизоны блок-постов еще пытались по ночам поддерживать подобие порядка в своих зонах ответственности. После наступления комендантского часа велась пассивная оборонительно-позиционная война с группировщиками. Без особых потерь, без явных побед. До тех, пока не пал блок-пост номер триста.

По поводу того ЧП в донесениях высказывались разные версии: захват органами блок-поста (это с заточками-то против «Псов»!) и самоподрыв обороняющегося гарнизона; неуставняк с перестрелкой, в результате которой в подвальные арсеналы залетела шальная пуля или граната; даже – додумались же! – сознательный групповой суицид... Поговаривали и о неизвестном оружии городских боевиков. Все – чушь, правдоподобного объяснения не дал никто. А весть о гибели трехсотки за сутки облетела все внешние гарнизоны.

Реакция последовала незамедлительно. Резко возросли потери. Перепуганные милки сдавали укрепункты один за другим. 350-й, 201-й, 307-й и даже образцовый 259-й прекратили существование за неделю. Потом счет шел на десятки.

Восстанавливать прежнюю систему блок-постов было бессмысленно. Панические настроения в милзводах уже не давали возможности держать эффективную оборону на удаленных участках. Во избежание новых потерь пришлось отводить войска. Отступать...

В итоге остались лишь несколько наиболее приближенных к Периметру укрепунктов. Небольших заслонов, задача которых – не столько остановить

группировщиков, сколько вовремя предупредить об их приближении. Остальные блок-посты уничтожались.

* * *

– Виктор Викторович, извините за беспокойство, но с вами хотят поговорить. Срочно.

Ну-ну... Сотрудница круглосуточной службы секретарей-референтов Главы администрации должна осознавать, чем чреват этот выход на связь с шефом. По неписаным законам после наступления Комендантского часа не только замирало движение на улицах, но и прекращалась вся деловая активность. Официальные телефонные переговоры – в том числе. Трудно принимать взвешенные решения в обстановке ежевечернего стресса.

– Ирочка? – Виктор Черенков всегда безошибочно узнавал своих сотрудниц по голосу.

– Да, Виктор Викторович, – отчитался селектор. – Заступила на дежурство час назад.

Смышленная девчонка, потомственная, между прочим, секретарша. Бабка Ирины обслуживала еще деда Черенкова Василия Николаевича. Во всех смыслах обслуживала – как и положено милым куколкам из службы секретарей-референтов. Правда, ревнивый Черенков-старший вышвырнул подчиненную из Периметра. За nepозволительное поведение. Вроде бы, барышня осмелилась изменить деду с... другой секретаршей. Та еще история! Удивительно, как лесбиянке удалось скрыть сексуальную ориентацию? Хотя, наверное, тогда подобные вещи еще не тестировались.

Ладно, бог с ней, с бабкой. Зато внучка, памятуя о фамильном проколе, выслуживается – будь здоров. И в постели, кстати, тоже. Вообще Ирина – одна из лучших секретарш Периметра. Без особой нужды она беспокоить босса не станет.

– Уже девятый час, ты в курсе, Ирочка? – спросил мэр. – И если какому-то идиоту вздумалось звонить по телефону...

Он замолчал. Сказанного вполне достаточно, чтобы понять, как следует поступить с идиотом.

– Это не звонок, Виктор Викторович, – голосок секретарши прозвучал настороженно. И настораживающе. – С вами хотят поговорить лично. Просили предупредить. На тот случай, если вы уже спите.

Что за нелепость?! Разве можно спать сейчас? Хорошо, если под утро удастся урвать три-четыре часа. И интересно, какой наглец смеет напрашиваться на аудиенцию в такое время? Кому-то захотелось вылететь из Периметра?

– Кто это, Ирочка?

– Кожин Павел Алексеевич, Федеральный Полномочный Посол. Сказал, что придет через полчаса.

Ах да, конечно! Кто же еще! Ирина могла бы и не чеканить в трубку должность федерала. Хотя нет, не могла: военно-административная этика обязывает полностью представлять посетителей, а секретарша знала правила игры досконально. Особенно такие. Ладно, пусть будет Кожин Павел Алексеевич, Федеральный Полномочный Посол.

Раньше он был бы просто представителем президента. Сейчас все иначе. Сейчас и сама столица, и провинциальные города слишком изолированы друг от друга, слишком разобщены чтобы считаться единым полноценным субъектом. Традиционная вертикаль власти осталась в прошлом, а метрополии (это, наверное, более уместный и отражающий реальное положение дел термин, чем просто «столица») приходится иметь дело со множеством удельных князьков, в коих давным-давно превратились мэры.

Нынче каждый мегаполис – это самостоятельное государство в государстве. Государствишко. Махонькое. Не совсем еще суверенное, но уже отдельное. Совсем. С замком-Периметром, с ленными владениями-предместьями, с натуральным хозяйством окраинных сельскохозяйственных угодий, напичканных пестицидами и прочей дрянью, с дымными мануфактурами промышленной зоны. С амбициями...

И плюс ко всему – вечная конфронтация со слабеющим союзником-Федерацией. Дикий феодализм, в общем. Только на новый лад... Потому-то ставленников столицы и принято называть федеральными послами. Впрочем, полномочия «послов» значительно превышают возможности представителей президента старых добрых времен. Центральный Периметр еще крепко держит за горло Периметры провинциальные. Держит мертвой хваткой таких вот Кожиных Павлов Алексеевичей.

* * *

Черенков усмехнулся. Кожин сменил предыдущего посла около года назад, но до сих пор язык не поворачивается величать по всей форме этого хиленького нездорового человечка. Господин федеральный, господин полномочный... Смешно. Хотя человек этот обладает в Ростове властью немногим меньше мэрской. Или немногим больше – это уж как посмотреть, грань тут очень скользкая.

И все же странно, неужели столица не могла доверить власть кому-нибудь более достойному? Или у них, в федеральной управе все такие вырожденцы, вплоть до Президента? Очень, кстати, может быть, что Главу государства никогда не показывают общественности не только из соображений безопасности, но и по этой, кажущейся более реальной, причине. Кому приятно знать, что трещащей по швам страной руководит какой-нибудь слабачок с синюшным цветом лица?

Ладно, как бы то ни было, но недоносок Кожин – единственный, с кем приходится считаться в собственной вотчине. Только представитель Центрального Периметра может заявиться к мэру столь бесцеремонно и в столь поздний час.

– Спасибо Ирочка, – Черенков отключил связь.

Он даже немного позавидовал своей секретарше. Хорошо, наверное, ей нести службу в тишине уютной приемной и не гадать, зачем федеральному послу вдруг понадобился мэр.

Виктор Викторович снова подошел к окну. Кажется, в черном небе мелькнула тень. Может быть. Где-то неподалеку кружит сейчас «Москит» – муниципальная

боевая вертушка. ВВС, блин, Ростовска! Остатки былой роскоши, память о прикрытом федералами вертолетостроительном заводе.

Пилотам предписано не отлетать далеко от Периметра, так что патрулировать они могут лишь центр города. Окраины – увы... Зато бесшумная, маневренная машина, оснащенная приборами ночного видения, вооруженная крупнокалиберным пулеметом КПСТ и автоматическим гранатометом «Кистень», всегда под рукой.

Вертушка сейчас – самое лучшее и самое эффективное средство борьбы с органами. И, как всегда, как везде, все лучшее – Периметру.

Мэр мысленно представил сложную систему укреплений с минными заграждениями, рядами отравленной егозы и «колючки» под током, наблюдательными вышками, пулеметными гнездами, снайперскими лежбищами на крышах, круглосуточными уличными патрулями... Мощные, неприступные, ошетилившиеся стволами стены огромного прямоугольника тянутся от болотистого русла загаженной додыхающей реки до начала Межрайонной Трассы, от Вокзала Караванов до Старой площади.

Впрочем, не такой уж и велика эта огороженная территория. Из кабинета мэра, к примеру, можно увидеть перемигивание прожекторов ближайшего участка Периметра. Третий Северный пролет...

«Здесь совсем как в тюрьме, – подумалось Виктору Черенкову, – но в особой тюрьме, стены которой не бесят, а успокаивают. Так... Немного».

Периметр окружал и охватывал центральные кварталы Ростовска, где жили и работали чиновники, военные и крупные бизнесмены. Разумеется, квартирка в таком Сити стоила баснословно дорого и не продавалась без личной визы мэра. В то время, как на окраинах приобрести жилье можно было за копейки. Или взять силой. Или тихонько занять бесхозные квадратные метры, освобождающиеся по ночам после оргских налетов. Кто бы мог подумать, что неразрешимая когда-то жилищная проблема будет решаться таким вот образом!

Вообще-то у Ростовска есть еще и внешняя стена, опоясывающая весь мегаполис. Но она попроще. Она защищает от степных дикарей, племена которых кочуют по бескрайним просторам некогда великой державы. Забор с

«колючкой», да кое-какие профилактические меры пока сдерживают их от открытого нападения. Эх, столкнуть бы внутреннего и внешнего врага! Городских оргов и одичавших варваров. А если бы к той сваре подключились еще и федералы!

Мечты, мечты...

Под зданием мэрии, прогрехотал сапогами еще один милицейский взвод. Нет, определенно, сегодня вечером в Периметре оживленней, чем вчера. А вчера – чуть тревожнее, чем позавчера. И так каждую ночь. До чего же все это выматывает! Судя по докладам психологов, подавляющее большинство жителей Ростовска находятся на грани нервного срыва. Можно представить, какой наступит хаос, когда массовый срыв все-таки произойдет.

Да, странное время... Его еще называют полувоенным. Действительно, в половинчатом каком-то мире приходится жить: полумэр-полукомендант, полуквартира-полукабинет, полугород-полукрепость, полумилиция-полуармия. Да и сама жизнь, по существу, является таковой лишь наполовину. Днем люди живут, а ночью существуют, забившись в ненадежные норы. Или – если очень повезло – в спасительный Периметр. Гнусное время, надо сказать.

* * *

«... надо сказать». На этой-то мысли все оборвалось. И началось утомительно долгое падение в бездну.

Небо над Северным участком Периметра вдруг взорвалось. Замелькали тревожные всполохи. Наружные динамики, заменяющие Виктору Черенкову открытую форточку, захрипели от натуги. Шум и грохот ворвались в кабинет. Мэра оглушило.

Длинная-длинная, очередь прошла тишину спящего города. Можно ли тишину прошить? Если так то – наверное. И прошить и изодрать в клочья. И снова прошить. И опять...

Это были уже не куцые «Псы»-автоматы милвзводовцев. Это был длиннорылый монстр. Его Величество Крупнокалиберный Пулемет Системы Тверского. КПСТ.

Тяжелое бортовое вооружение вертушки-«Москита».

Потом... Однако! Потом рыкнул АГ «Кистень». Все там же – за Северной стеной Периметра рвались гранаты. Убойные комбинированные заряды, от которых нет спасения. Нигде и никому.

Но почему автоматический гранатомет плюется громоподобной смертью так долго? Так несолидно. Истерично...

Неужели началось?! Орги все-таки осмелились пойти на решающий штурм? Периметр все-таки атакуют всерьез? А может, это измена? Переворот?

Виктор Черенков снова потянулся к пистолетам. «Оружие удобное и безотказное. Лучшего, чтобы застрелиться быстро и наверняка...» Простой, честный и прямой, как гаубичный ствол заворужейной говорил только то, в чем был твердо уверен.

Так, может быть, настало время оросить мозги «Дождем»?

Стрельба прекратилась. Под окнами пробежал еще один милицейский взвод. И – стихло. Все. Окончательно. Молодцы, быстро они там управились. И все же мэр отключил динамики, отгораживая рабоче-жилое пространство от неуютного внешнего мира. О, блаженная тишина кабинета! Кабинет – это ведь тоже маленький Периметр. Периметр в Периметре. Блеск! Надо же до такого додуматься...

Черенков встряхнул головой. Хватит уже растекаться по кабинету. Шок позади. Теперь – думать. Делать выводы.

Итак, стреляли с вертолета. Что, в принципе, не ново. Очереди крупнокалиберного пулемета приходилось слышать и раньше. Редко, но бывало. «Кистенем» били еще реже. Но теперь вот ударили. Значит, накрыли большую, нет, очень большую группу оргов. Но по-настоящему страшно другое.

Сам с собой мэр обычно не разговаривал – тоже может стать дурной привычкой. Как неконтролируемое поглаживание пистолетов. Однако сейчас...

– Они еще никогда не появлялись так рано, – пробормотал Виктор Черенков, – и так... Так близко.

– Вот об этом-то – слышался за спиной негромкий, насмешливый голос, – я и хотел с вами побеседовать.

Проклятье! Знакомая до боли черная форма. Невысокая сутулая фигура. Издевательско-любезная улыбка на бледном болезненном лице. На левом запястье, под темно-синим обшлагом рукава с золотой окантовкой, болтается на цепочке обтянутая черным папка-контейнер для бумаг. Ох, многое бы Глава Ростовска отдал за возможность заглянуть в секретную документацию федерального посольства. Увы, посольские дела для мэра и любого другого муниципала – табу. В то время, как сам посол мог беспрепятственно шляться по всему Периметру и совать нос куда угодно.

Личный код доступа Федерального Полномочного Посла открывал любые электронные замки. Охрана не имела права останавливать федерала. А еще Кожин обладал легкой кошачьей походкой и неприятной привычкой входить без стука. Да и вообще сегодня Павел Алексеевич хозяйничал на чужой территории уж слишком демонстративно.

Федерал включил свет, даже не соизволив спросить разрешения хозяина.

Глава 3

Возвращаться домой пришлось уже под охраной БГМ. Бронетехника сопровождала пассажирские автобусы дважды в сутки: рано утром – первые рейсы; и поздно вечером – последние. Транспортная колонна заодно либо развозила патрули в точки десантирования для начала дневного дежурства, либо, наоборот, эвакуировала мильзводовцев обратно в Периметр.

Денис любил такие рейсы. Даже в сгущавшихся сумерках, но под охраной боевых машин, он чувствовал себя спокойнее, чем днем в незащищенном общественном транспорте. Вот только опоздание на последний автобус обошлось бы слишком дорого. Пережить Комендантский час вдали от дома мало

кому удастся. Денис не опаздывал ни разу. А сегодня, после неприятной истории с органами – и подавно.

Он занял любимое место – у кабины водителя. Хорошее дело затемненный водительский триплекс: салон автобуса надежно спрятан в непроглядной мути стеклопластикового сплава, а все шоссе – как на ладони. Вечерняя Межрайонная Трасса...

Сеть проводов, опутавших небо. Огни на обочине и над шоссе. Горят, пока шоссе не опустело. А дальше, за ярким трассовым освещением – такая же темнота, как и внутри автобуса. Уличные фонари? Светящиеся окна? Увольте. Это нынче что-то из области ненаучной фантастики. В каждой квартире, на каждом окне – шторы со светомаскировкой. Кому охота ночью привлекать внимание оргов? И кроме штор – защитные решетки. И – ролл-ставни...

Через водительское стекло видна бронированная корма БГМ. Габаритные огни, темное облачко выхлопа... Второй такой же броневичок боевого охранения, едет за автобусом. Хорошая техника. Не транспортно-боевые контейнеры федеральных Караванов, конечно, но все равно. Юркие, быстрые, прекрасно защищенные машины с маленькими злыми пулеметиками. Запустить бы ночью на каждую улицу по паре таких броневичков, и никакой Комендантский час больше не понадобится.

Мечта идиота! Тот, кто съедет с главного шоссе города, через пару-тройку кварталов увязнет в непролазной грязи. К тому же на весь Денисов район осталось лишь две старенькие БГМ-эшки, и обе сейчас сопровождают автобус. А новой военной техники из столицы фиг дождешься...

Огни Трассы за окном почти сливались в сплошную полосу: старший колонны задавал бешеный темп передвижения. Рисковый парень. Или, наоборот, толковый командир. Опасные участки – те, на которых можно ждать вечерних диверсий, пролетали так быстро, как только могла передвигаться тройная «гармошка» автобуса. Скорость – это тоже тактика выживания.

Остановочная платформа ослепила всполохом тревожной иллюминации. Скрипнули тормоза. Пассажирам давалось несколько секунд, но все выскочили вовремя. Денис, старался не выделяться в людском потоке. Пристроился к группе молчаливых попутчиков с опущенными глазами. Тоже опустил очи долу.

Так всегда: чем ближе Комендантский час – тем ниже глаза.

Нужно быстро и незаметно пройти три кварталов. Всего три – и он дома. Вот только... Человеку в рубашке и свитере спрятаться среди чужих курток невозможно. Торопливые шаги сзади. Чья-то рука, ложится на плечо. Невнятная шелестящая скороговорка в самое ухо:

– Привет-привет-привет...

Выследили, волчары! Вычислили. Догнали.

Вот теперь он влип по-настоящему. Свитер – не куртка, прокладку которой Денис предусмотрительно смазывал гелем перед каждым выходом в город. Из свитера так просто не выскользнешь. А до начала Комендантского часа остается всего ничего. Времени хитрить и прикидываться дурачком нет. Патрулей не видно. На помощь разбегающихся по норам прохожих надеяться не приходится. Какой идиот станет геройствовать вечером, да у своего дома?

Денис поворачивался медленно, гадая про себя: кто? Кто из волчьей троицы его достал: шестерка, кавказец или дылда-бригадир. Хуже всего, если шестерка. Мечь шестерок – самая страшная.

* * *

– День, ты чего? – Лицо Вячеслава Ткача словно вынырнуло из зеркала. Такое же испуганное, как у самого Дениса, с такими же затравленными глазами. Удивительно, до чего похожими делает людей страх.

– Да пошел ты...! – с шумным выдохом Денис сбросил с плеча Славкину руку, – Достали твои приколы, понял?

– Извини, не хотел напугать, – Славка умел придавать своей физиономии жалостливо-удивленное выражение, – Вижу без куртки шляешься, патрули дразнишь. Ну и подошел. Случилось что?

– Так я тебе все и выложил! Погоди-ка, – Денис насторожился. – А ты-то какого здесь делаешь? Тебе три остановки до дома переться, а автобусы...

- Уже не ходят, - закончил за него Славка.

- Вот именно! Не ходят!

- Я тебя жду, Денька. Дело у меня. Просьба, точнее. Переночеватьпустишь?

- Ё-моё! Опять переезжаешь? Слушай, Славик, все мы, конечно, дерганые и пуганные, но нельзя же так! Сколько квартир ты сменил за месяц? Три? Четыре? Пять? А сколько до этого? Знаешь, похоже на манию преследования. За такое и дисквалификацию схлопотать можно. Без работы остаться хочешь, да?

Славик снова перешел на шепот. Заканючил с надрывом - это он тоже умеет:

- Денис, только на одну ночь. Выручай, а? Я хату новую уже нашел, только комп перетащить не успеваю, и переезд в управе не оформил. Завтра все добыю. А сегодня мне бы с твоей машины поработать. У тебя ж старых клав и манипуляторов как собак нерезанных, и монитор в двух-трех режимах пашет.

Денис скривился.

- Ну, пойми, тоскливо мне сегодня на старом месте. А, День?

- Ладно, хрен с тобой, оставайся. Не гнать же тебя, на ночь глядя. Только чего ко мне в такую даль-то перся? Юлька, вон, в двух кварталах от тебя, Влад рядом, Игорек тоже.

Славка нахмурился:

- К Юльке хахаль приехал, ну, тот, из Заречного поселка. Отпуск у него. Я там не к месту буду.

Денис покачал головой. Да уж, не к месту... То, что Славка давно и безнадежно клеится к Юльке - не секрет. А после появления у Юлы дружка с Заречного, Ткач и вовсе по ней с ума сходит.

– А Влад, – продолжал Славка, – пьяный в доску. Ругается матом, дверь никому не открывает. Совсем плох – боюсь, сломаться может.

Стоп машина! Влад? Этот принципиальный трезвенник, на дух не переносящий спиртного, пьян? Что за чушь?! Даже настырный Игорь – лучший кореш Владика, давным-давно смирился с «сухим законом» в обществе чересчур правильного друга.

– С каких это пор Влад пить начал? Да еще и перед работой?

– С сегодняшнего дня, День...

* * *

Славка совсем помрачнел. Ой, не в Юльке тут дело, точно, не в Юльке. Тут что-то большее, чем банальная ревность.

– Ну, а Игорек? Почему к нему не пошел? – спросил Денис.

– Нет больше Игорька, Денис... Потому Владик и напился.

Оп-ля! Как обухом по голове! Кувалдой!

– Погоди, погоди, что значит «нет»? Мы ж с ним неделю назад в чате болтали.

– Его вчера отследили. Орги вскрыли кодовый замок...

– Как?! А «SOS»?! Не было ведь сигнала в локалке!

– Игорь его и не запускал.

– Тормознул? Не сориентировался?

– Может быть. Сам знаешь, он здорово сдал в последнее время: рейтинговых баллов – ноль, текущие результаты – фиговые. Опять-таки куча выговоров в

послужном списке...

- Да нажать пару клавиш – это ж секундное дело!

- Секундное, – согласился Славка. – Если на что-то надеяться. А если Игорек видел, что все без толку, что бесполезно уже?

- Когда его нашли?

- Сегодня. Под вечер уже. Управа вызвала – Игорь не откликнулся. Нарядов милковских понаехало – я там был, сам видел. Ничего, правда, милки толком сделать не успели. Даже трогать сегодня ничего не стали. Труп только увезли, да дверь опечатали. Выяснять все завтра будут – после Комендантского часа.

Денис вздохнул. Да уж, смерть следака – ЧП районного масштаба. И не помогла, Игорек, тебе шоковая дубинка. С «мудаком» против оргских заточек не больно-то и попрешь.

- Как? – спросил он. – Как его убили?

- Его не убили. Он сам. Себя. Шокером. Максимальным разрядом. Насмерть. Наверное, боялся пыток.

Боялся пыток? Вот, значит, зачем Игорь обзавелся «мудаком»! А не для того ли и самому Денису понадобилось это, с позволения сказать, «оружие», годное больше для суицида, чем для самообороны. Что ж, у оператора наружки тоже должен быть свой «идеал»-самоликвидатор.

- Пошли, – буркнул Денис, – поздно уже.

Они молчали до самого дома. Молча устанавливали новую видеокарту. Молча слушали сирену, возвещающую о начале Комендантского часа. Молча тестировали компьютер – стандартный складной операторский моноблок.

А потом...

Потом вроде бы пальнули из автомата.

Случается...

Прогрохотал длинными очередями КПСТ «Москита».

Однако!

Гулко рванули гранаты «Кистеня».

А вот «Кистень» – это уже...

Звукам доносились из центра. Похоже, муниципальная вертушка накрыла группировщиков у самого Периметра. Так близко орги еще не подбирались...

... уже чересчур!

Никогда не подбирались.

Операторы переглянулись. Испуганно. Непонимающе.

И все также молча.

Глава 4

– Что?! Что, все-таки, это было?

Мэр нервно ходил по кабинету. Ну, не мог, никак не мог Виктор Черенков совладать с собственными ногами в минуты сильнейшего душевного волнения. Федерал, напротив, по-барски развалившись в кресле, с легкой усмешкой наблюдал за хозяином кабинета.

– Ничего особенного, Виктор Викторович. Всего лишь наши с вами старые знакомые. Орги. Интересно, как вы сами изволили заметить, другое: почему сегодня они подобрались так близко к Периметру. Представьте, что было бы,

окажись в их распоряжении мощная пушка вроде пулемета Тверского. Только без «идеала», разумеется.

Посол сделал паузу, заложил ногу за ногу.

– Тогда группировщикам ничего не стоило бы обстрелять мэрию. С третьего пролета Северного участка это вполне реально. Как вы думаете, Виктор Викторович, выдержит ли окошко, возле которого вы проходите, прямое попадание бронебойного заряда? Такими, если я не ошибаюсь, ваши бравые вертолетчики насквозь прошивают старые панельные многоэтажки.

Мэр невольно отошел от окна. Сглупил, конечно, дал федералу еще один повод осклабиться. Но осознание нелепости совершенного поступка пришло после. Мысль запоздала за действием.

– Не стоит так волноваться, Виктор Викторович. Все ведь уже закончилось. Правда, насколько я понимаю, не совсем благополучно.

А вот последнюю фразу посол произнес без тени иронии. Раз такое дело, об обиде придется забыть. Временно.

– Вас тоже интересует судьба Восьмого блок-поста, Павел Алексеевич? Гарнизон должен был поднять тревогу и принять бой, прежде чем орги...

– Подойдут к Северному участку Периметра? Ну, вообще-то я уже удовлетворил свое любопытство и догадываюсь об участии гарнизона.

– Что вы хотите сказать?

– Думаю, на Восьмом вырезали все подразделение. Там кто-то стрельнул, прежде чем все началось, но не очень убедительно.

Виктор Черенков вспомнил короткий автоматный взбрых, незадолго до атаки «Москита». Да, это было совсем неубедительно.

– На мой рабочий терминал сообщение о прекращении связи с блок-постом поступило минут сорок назад, – продолжал посол. – Дежурный офицер запросил

экспресс-объяснительную по факту применения оружия и не получил ответа. Потому, собственно, я и позволил себе потревожить вас в столь поздний час. А вы, выходит, еще не в курсе? Странно...

Два-ноль. Еще одна победа федерала. Разумеется, вся информация из центра управления наружного и внутреннего наблюдения в первую очередь поступает в кабинет мэра-коменданта и в апартаменты посла. Причем, виртуальная коммуникационная система имеет одну особенность: в федеральное посольство сообщения идут через компьютер мэра с опозданием в несколько секунд. Очень удобно: при необходимости можно обрубить информационный поток. Об этой хитрости посол, разумеется, не знает. Но тем досаднее совершенная оплошность.

Черенков подошел к отключенному терминалу. Запустил. Нажатие клавиши, ввод пароля. На мониторе вспыхивает огонек срочного послания. Спецформат.

«Экстремальная ситуация на третьем Северном участке. Блок-пост № 8 не отвечает за запрос. Для выяснения причин потери связи на место вероятного происшествия выслан резервный милицейский взвод. Придано три БГМ усиления.

Вертолету воздушной разведки и поддержки приказано прекратить облет Северо-Восточного участка и приступить к патрулированию по схеме „А“ Северного участка. Ожидается доклад.

Центр управления.

Время отправления сообщения: 19.31.12.

Время приема сообщения: 19.31.12.»

* * *

Не часто, ох, не часто даже в это тревожное время приходят сообщения в спецформате. Такая информация должна сигнализировать о себе яростным миганием монитора и воем компьютерных динамиков. Но мэр отключил терминал. Мэр слушал и смотрел ночь.

Менять! Все менять к такой-то матери... Система оповещения никуда не годится! Черенков был вне себя от ярости. Так и о перевороте узнаешь, лишь когда в дверь к тебе постучатся. Или вломятся. Или тихонько, неслышно просочатся, как вот Кожин сегодня.

– Вы, похоже, встревожены Виктор Викторович? – посол говорил нарочито-участливо, но пошел бы он с этой своей участливостью!

Динамики по-прежнему отключены, звукового сигнала нет, но на экране мигает новый световой сигнал. Еще одно сообщение. И опять – спецформат!

«Блок-пост № 8 цел, личный состав погиб. Выживших нет. Причину смерти гарнизона блок-поста сообщить затрудняюсь. В районе третьего Северного пролета Периметра обнаружен противник. Противник уничтожен.

Командир экипажа воздушной разведки и поддержки майор Рыжков В.Е.

Время отправления сообщения: 20.14.58.

Время приема сообщения: 20.14.58.»

– Я спокоен, Павел Алексеевич, – негромко проговорил мэр. – Абсолютно спокоен. Но... Новое сообщение. Кажется, вы правы. Гарнизон Восьмого погиб.

Федерал уже стоял за спиной мэра. И заглядывал через плечо. Вообще-то пялится вот так в чужой компьютер – неслыханная наглость. Особенно если речь идет о рабочем терминале мэра-коменданта.

– Любопытно, – Кожин хмыкнул, – Виктор Викторович – а ваша связь, оказывается, оперативнее моей.

Подстрочному хронометражу гость уделил внимание больше, нежели тексту донесения. Каждый видит то, что важно ему. Черенков промолчал. Только досадливо скрипнул зубами.

* * *

- И что же вы теперь намерены предпринять, Виктор Викторович?

Вопрос посла аж сочился язвительной риторикой, и мэр позволил себе воздержаться от ответа.

Он включил пульт служебной связи. Как бы невзначай, тронул тумблер внешнего коммутатора. Отсек громкую связь. Так-то лучше. Обойдемся старой доброй телефонной трубкой. Не хватало еще, чтобы Кожин слушал разговоры Главы администрации Ростовска с секретаршей. Черенков решил хоть раз (ведь можно же один-единственный разок?!) за этот вечер поставить Павла Алексеевича на место.

Посол намек понял. Скривил губы в привычной усмешке. Отошел. На пару шагов - не больше.

- Ирочка, я хочу видеть экипаж патрульного вертолета.

Федерал смотрел и слушал.

- Я знаю, что вертолет в воздухе. Приказываю временно прекратить патрулирование. Летчиков - заменить. Экипаж майора Рыжкова должен быть у меня. На исполнение даю десять минут.

А федерал все смотрел и слушал.

- Да, и еще. Свяжись с дежурным офицером. Пусть остановит посланное к Восьмому подкрепление... Нет, не вернуть. Распределить для усиления гарнизона Периметра на Третьем Северном пролете. Броневики? БГМ пусть поставят там же, у ворот. Все.

Кожин одобрительно кивнул:

- Правильно, совершенно ни к чему гнать к «восьмерке» милков. Блок-пост лучше осмотреть утром. И сделать это должны не рядовые солдаты, а проверенные офицеры высшего звена. Те, что умеют держать язык за зубами. А то мало ли что там обнаружится...

Виктор Черенков с детства терпеть не мог таких вот снисходительных оценок. Но держал себя в руках. Слушал. Может, федерал скажет что полезное?

Павел Кожин сказал. После долгой паузы.

– Я давно утверждал, что от Блок-постов мало проку. Особенно...

Опять пауза. Федерал смотрел в глаза муниципалу. Мэр начинал волноваться. По-настоящему.

– Особенно в этой войне, – рубанул посол.

Ага, вот, значит, в чем дело! Вот откуда прет сегодня Кожинская наглость! Вот где истинная причина вечернего визита! Федерал, наконец, произнес слово, которого мэр давно ждал, но произносить которое, все-таки, не следовало.

– Да-да, Виктор Викторович, вы не ослышались, я сказал «война», – лицо федерала было серьезным.

– Я вас слушаю, Павел Алексеевич, – сухо произнес мэр.

– Послушайте-послушайте, благо время у нас есть. Вы дали экипажу вертолета десять минут. Пара минут уже прошла. Надеюсь, за оставшееся время мы успеем переговорить. И, возможно, – договориться. И так...

* * *

Итак, выпорхнуло, вылетело-таки запретное словечко. Война! Война означает военное положение. А военное положение...

По большому счету, с его введением изменится только одно: первое лицо Ростовска, Глава администрации, мэр-коммендант Виктор Черенков станет никем. Ничем. Нулем без палочки. Экс-мэром. А эксов такого рода, как известно, ждет печальная участь. Хорошо если сразу после смещения его не вышвырнут за Периметр. А ведь вышвырнут! Как ненужный шлак, как отработанный мусор.

Руководство городом перейдет к Федеральному Полномочному Послу. Все правильно, все по Конституции. Прецедентов временного перехода муниципальных образований под прямое правление федеральных властей – сколько угодно. И всегда, абсолютно всегда военное положение заканчивалось не наведением порядка на улицах – это при нынешних условиях нереально – а банальной сменой высшей чиновничьей династии. Новым, более лояльным центру мэром становится федеральный посол. Потом лояльность идет на убыль и – все повторяется. Именно так, кстати, в свое время Главой администрации Ростовска стал дед Черенкова – Василий Николаевич, начинавший федеральным послом.

Правила игры тут соблюдаются неукоснительно: сначала старому Главе предлагается добровольно передать бразды правления. Потом следует неременный отказ. Следующий шаг – доклад федерального посла в центр о критической ситуации в городе. Затем – изучение отчета и, наконец, указ Президента о кадровой рокировке.

Сама война – это условность. Нескончаемая война с уличными бандами ведется давно, к ней привыкли. Страшит именно военное положение. А грань между полувоенным и военным теперь слишком тонка. Потому-то муниципалитеты и отправляют исправно с федеральными Караванами в столицу положенную часть налоговых сборов. Или дани, – это уж как посмотреть. Скрипят зубами, но покорно отправляют. Никому не хочется быть смещенным.

Тех же, кто заносится на Федерацию хотя бы в мыслях, ждет опала. Видимо, Виктор Черенков так и не научился скрывать свои мысли. «Люби посла, потом себя», – говорил дед Виктора Викторовича перед смертью. Так гласит семейная легенда. Но уже отец отнесся к этому совету легкомысленно и не завещал сыну ничего подобного. Наверное, дед был мудрее.

Мэр-комендант Ростовска лихорадочно соображал, сколько времени уйдет у Кожина на получение президентского указа. Подсчитать нетрудно. Важные документы передаются Караванной диппочтой.

Последний Караван из столицы прибыл в Ростовск сегодня днем. К вечеру военно-транспортные контейнеры были разгружены и снова набиты под завязку. И еще до наступления Комендантского часа отправились в путь. Простой обходится дорогим, и Караваны вынуждены мотаться между городами непрерывно, меняя измученные экипажи. Зато на скорость перевозок

жаловаться грех. Но даже этому конвейеру требуется время.

Если доклад Кожина уже в пути, то поездка до столицы по раздолбанной федеральной трассе займет сутки. При условии отсутствия диверсий, нападений, поломок и прочих приключений. Потом – даже при самом благоприятном для посла положении дел – сутки потребуется на скрип столичной бюрократической машины и ознакомление Президента с пухлым отчетом Павла Алексеевича. Еще сутки уйдет на обратную дорогу. Значит, как минимум, у Главы Ростовска есть три дня, чтобы... А, собственно говоря, чтобы что?

Теоретически, посол может, например, «случайно» застрелиться при неосторожном обращении с оружием. Но очень теоретически. Любой «несчастный случай» будет слишком подозрительным, если отчет Кожина уже отправлен в центр. Смерть посла не отменит Президентский указ, а лишь усугубит ситуацию. Эх, знать бы точно, написан ли отчет, отправлен ли в столицу?

* * *

– Виктор Викторович, вы меня не слышите или не желаете слушать? – в голосе посла завибрировало явное раздражение, и мэр даже порадовался, что смог вывести собеседника из себя, – Что вы скажете о переходе на военное положение?

Ладно, теперь очередь Черенкова держать паузу и играть в гляделки. Нет, не выйдет. Глаза федерала вновь подернулись непроницаемой пленкой невозмутимости. Ж-жаба! Лишнего теперь посол не скажет.

– Будем откровенны, Павел Алексеевич, Вы, конечно, понимаете, что по доброй воле я полномочия с себя не слою. Во-первых, как мне кажется, во введении военного положения нет никакой необходимости. А во-вторых, падать с поста мэра-коменданта неизвестно как далеко вниз – это, знаете ли, больно.

– Понимаю. Я и не ожидал от вас иного ответа. Но, все-таки, подумайте хорошенько. Сегодня пала «восьмерка». Как это произошло, никто не знает и, сомневаюсь, что утром ситуация прояснится. А ведь группировщики обязательно

используют успешный опыт в следующий раз.

Так что, считайте, вашим внешним укрепунктам – грош цена. С ними будет то же, что и с дальними блок-постами. 300-й, 350-й, 307-й, 200-й, 257-й...

Продолжать? Вижу, что не стоит. А потом наступит черед Периметра. Куда вы подадитесь тогда? Безопасных мест в городе больше нет.

Черенков решил пойти ва-банк. Самое время! У него еще был козырь. Главный. Последний.

– А может, все-таки есть? До меня доходят невероятные слухи, будто транспорт посольства периодически покидает Периметр перед началом Комендантского часа, а возвращается утром. Целым и невредимым возвращается. Как это можно объяснить?

Посол смотрел на него долго и пристально. Зацепило! Значит, надо копать. Глубже. Вот в этом самом направлении...

– Хорошая у вас разведка, Виктор Викторович. Но она не поможет вам, когда орги прорвутся сквозь заслоны Периметра. Вам не поможет даже вертушка. Куда вы отсюда денетесь, если в Ростовске начнется хаос? Кто из ваших м-м-м... коллег захочет приютить мэра, потерявшего город? И в столице вас будет ждать трибунал и смертная казнь. Посадите машину где-нибудь в глуши? Тоже не выход. Рано или поздно до вас доберутся бродячие банды дикарей. Итог один – смерть. Согласитесь, незавидная перспектива для потомственного мэра.

Виктор Черенков ответил не сразу. Глава администрации Ростовска в третьем поколении и сам не раз задумывался о том, где искать спасения в случае падения Периметра. Ответа на этот вопрос не было: запасных аэродромов для экс-мэров не строили.

Когда бессмысленность псевдодемократической игры под названием «выборы» стала совсем уж очевидной, а фальсификация результатов местечковых избирательных кампаний – слишком явственной, участки для голосований опустели. Разорительный фарс с «волеизъявлением народа» был больше не нужен никому. И самому народу – меньше всего. Гораздо дешевле и разумнее оказалась открытая передача власти наследникам и преемникам. Но при всех плюсах такой системы, существовал и огромный минус: Глава городской

администрации был намертво связан со своим удельным муниципальным княжеством.

– Вы говорите так, – медленно начал мэр, – будто орги уже решились напасть на Периметр.

– Разве нет? – посол изобразил удивление. Хорош актер, мать его, правдоподобно изобразил, – Сегодня вертолет обстрелял противника практически под стенами Северного пролета. Когда группировщики подходили так близко? А может, вы думаете, это проделки имитаторов? Или Катафалка-Призрака? В какие еще сказки вы готовы поверить, лишь бы не признавать очевидного?

Сказать было нечего.

– Так какое ваше окончательное решение, Виктор Викторович?

– Я должен подумать.

– У вас очень мало времени.

Сколько? Если бы точно знать, сколько...

– Виктор Викторович?

Они повернулись оба.

На пороге квартиры-кабинета стояла Ирочка. Как всегда соблазнительная. Вежливая. Внимательная. Готовая. На все.

– Экипаж вертолета ожидает в приемной, – доложила секретарша.

И весьма кстати! Сейчас Черенкову требовался тайм-аут.

Межрайонная Трасса. «Летать» здесь особенно приятно. Уродливые грузовые контейнеры прячутся на ночь по подземным гаражам, огни на обочинах гаснут. Если не включать приборы ночного видения, шоссе похоже на полноводную реку. Не ту, от которой осталось высохшее русло, да мазутная топь под Набережной на Южной окраине Периметра. На настоящую, живую, незагаженную и не убитую еще реку.

Славка пристроился рядом на кухонной табуретке. Сидели локоть к локтю. Старенький разборный 30-дюймовый LCD-монитор честно делила контроллиния. Каждому – по 15 дюймов. Что ж, говорят, были времена – и такое считалось роскошью. На левой части экрана – картинка с мобильной камеры Дениса, на правой – с камеры Славки.

Двойная нагрузка на машину... При таком раскладе неизбежны кратковременные «залипания», но Славка, казалось, не испытывал дискомфорта. Парное удаленное соединение – подумаешь! Непривычные особенностями чужого компа – ерунда! Славка не реагировал ни на прыгающий курсор старой норовистой мыши, ни на западание клавиш разбитой клавиатуры. Славка радовался выключенному гостеприимству и не роптал.

Пустая – ни души – остановка. Мини-крепость, обставленная бетонными плитами. Та самая... Денис притормозил камеру. Вот здесь сегодня был Пятачок – мобильный подпольный базарчик, где при желании и больших деньгах можно купить все. Ну, кроме, пожалуй, оружия. Пятачковая мафия, хоть и платит дань группировщикам, но сама по себе относительно безобидна. Так, торгаши...

Днем в остановочной толчее торговля из-под полы шла под самым носом у милзводовцев, под стволами БГМ. Не наглость это, а хитрость: власти редко прочесывают облавами охраняемые участки. А завтра Пятачок объявится где-нибудь в другом месте. Где именно – информация об этом появится в локальной компьютерной сети лишь под утро. Разумеется, в зашифрованном виде. Сложный бизнес, зато и отследить кочующие черные рынки почти невозможно.

Мобильная камера двигалась вдоль Трассы. Меняя на переходных стыках направляющие тросы, поворачивая то вправо, то влево. С одной стороны шоссе, с другой, посередке...

Контрабандная видеокарта не подвела. Не фонтан, конечно, – с полетевшей не сравнить, – но дает вполне приемлемую картинку при средненьком разрешении. А главное – пашет как проклятая в режиме двойной нагрузки. Не сбоят по-крупному, не глючит. Обнадеживающий признак: долго протянет.

До официального апгрейта оставалось еще года полтора. А на убитой машине рейтинг и баллы не наработаешь. В общем, чем ждать милости от техслужбы наружного наблюдения, проще купить «железо» на Пятачке. Благо, работа следака оплачивается пока более, чем сносно.

Денис свернул с Трассы. Недалеко совсем, но на экране теперь – грязные, непролазные улицы и переулки. То проносятся с бешеной скоростью, то ползут медленно, метр за метром. Денис предпочитал бессистемно чередовать темп обследования сектора. Так тем, кто внизу, труднее вычислить маршрут мобильной камеры.

Те, кто внизу... Орги внизу и их много. И их нужно искать. А чтобы использовать мобильную мини-камеру с максимальной эффективностью, ее оператор должен располагаться в самом центре наблюдаемого сектора. В змеином гнезде... Вот и получают казаки-разбойники: операторы наружки по ночам ищут группировщиков, а те отслеживают операторов. Круглосуточно.

Силы неравные, но проколов, по крайней мере, в их районе не было. До случая с Игорьком.

* * *

Снова Трасса... Стандартная операция: облет границ сектора наблюдения, дальше – свободный поиск по случайному маршруту. Пока все тихо, но Межрайонная Трасса и ее окрестности вообще тихое место. Самое интересное обычно происходит вдали от главного шоссе города. В каменных джунглях окраинных жилых кварталов.

Денису везло на крупные группы оргов. Как-то за одно дежурство он обнаружил с дюжину таких отрядов. Бедняга Игорь, едва-едва выполнявший минимальный операторский план, не мог поверить в такую удачу. Вот только какой прок от подобных достижений? Периметр давно не реагирует на сообщения следаков. А

это тревожный симптом: если вертушка не несется по вызову, не наводит хотя бы видимость порядка в кишасщем группировщиками районе, значит, где-то дела обстоят еще хуже.

Добрая старая камера класса «Летящий глаз», перескочила еще один переходной стык, повернула. Теперь работа шла в автоматическом режиме. Денис убрал руки с клавиатуры, откинулся на спинку кресла. Фиксировать мелкие детали пока нет необходимости. Обычный предтрассовый квартал, типовые двенадцати- и шестнадцатизэтажки, безлюдная улица. Тут редко происходят вещи, достойные внимания следака. Впрочем...

Движение? Точно! Там вон, у обшарпанного, исписанного нецензурным граффити подъезда. Вряд ли что-то стоящее, но проверить не мешало бы.левой рукой Денис коснулся клавиш, правая легла на манипулятор.

Камера зависла над подозрительным подъездом, вцепилась в направляющий трос захватами фала-удлинителя. «Сопля» – так в шутку называли между собой операторы, эту жесткую струну, которая позволяет «Летящему глазу» спускаться почти до самой земли.

Еще команда. С тихим жужжанием камера скользнула под прикрытие глухих лоджий. Денис никогда не опускал камеру на всю длину фала: чем ниже, тем больше вероятность быть обнаруженным. Он повесил «глаз» где-то на уровне восьмого-девятого этажа. Лучше уж выжать все, что можно, из старенького зум-объектива.

Секунда ушла на фиксацию вращающейся камеры. Потом – панорамная съемка. Наезд. Поворот. Еще наезд – на этот раз максимальный. Ага, вот и источник движения. Группа из пяти человек.

Волки. Прячутся в тени. Все – в масках. В вязанных шапочках, закатанных под подбородок. И с прорезями для глаз.

Все – в грязно-сером защитном камуфляже цвета бетона, земли и асфальта. Такой нигде не купишь. Такой нужно долго «варить» самому. В вонючем чане на кухне. Из старой ненужной одежды. С красящими «приправами». Зато в таком легко раствориться на ночных улицах Ростовска.

У каждого – по заточенной арматурине. В руках. И за поясами. Большого – увы – различить нельзя. Расслышать тоже.

Переговаривались группировщики негромко: подобъективный микрофон улавливал лишь неразборчивое шипение. Спуститься еще ниже? Опасно. Слишком уж настороженно для ночных хозяев города вели себя эти ребята. Орги за малым не шугались собственной тени.

Странно-странно. Кто бы это мог быть, такой пугливый? Может, имитаторы? Сумасшедшие любители острых ощущений? Денис слышал о таких психах не раз, но не особенно верил в их существование. Какой дурак станет развлечения ради выходить на ночные улицы и ловить сомнительный адреналиновый кайф? Да не бывает такого! Не-бы-ва-ет! Имитаторы – это всего лишь очередная городская легенда. Вроде страшилок о Катафалке-Призраке с заброшенного Старого кладбища. Или о подземных бомжах-мутантах.

А люди в камуфляже и масках уже двигались вдоль стен. Гуськом, быстро и скрытно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mel-nikov_ruslan/mertvyu-ray

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)